

Виктор Мишин

ЧУЖОЙ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Виктор Михайлович Мишин
Моя война. Чужой
Серия «Военная фантастика (АСТ)»
Серия «Моя война», книга 3

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63765606

*Виктор Мишин. Моя война: Чужой: Издательство АСТ; Издательский
дом «Ленинград»; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-134979-0*

Аннотация

Андрей Морозов волею случая и стечения обстоятельств оказывается во вражеском тылу. Благодаря удачному внедрению в подразделение вермахта, он проворачивает опасные и необходимые для страны диверсии. Захват вражеских офицеров и выявление диверсантов – все это приближает Великую Победу. Но какой ценой все это дается Андрею?

Виктор Мишин

Моя война: Чужой

© Виктор Мишин, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Серия «Военная фантастика»

Выпуск 192

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

* * *

Сколько времени прошло, не знаю. Вверху шумели кроны деревьев, более ничего не нарушало тишину. Лежу, смотрю в небо и медленно умираю. Боль была сильной и страшной. Страшно было от мысли, что ранение тяжелое. Крутило все тело, что такое, я не понимал. Через несколько минут тело начало приобретать чувствительность, и я понял, что весь мокрый. Весь – это полностью. Чуть поведив глазами, понял, что лежу в луже, а вокруг болото. В стороне, метрах в десяти, лежало что-то похожее на человека.

– Эй, – тихо позвал я и вновь закашлял. Никто не откликнулся. Надо попробовать поползти.

В час по чайной ложке я все же преодолел такое огромное расстояние, что разделяло меня с этим неизвестным. Убит.

В первую же секунду стало ясно. Недавно, тело еще теплое. Лежит так, словно пуля настигла его во время бега. Оружие, а рядом валялась винтовка, было целым на вид. Подтянул к себе, но затвор сдвинуть не смог. Пальцы не слушались.

— Да что же такое-то, куда силы делись? — чуть не взмолился я шепотом. Кашель вернулся, крутило очень сильно. Боль в груди, точнее, где-то внутри тела резала как ножом. Где-то впереди раздался легкий шум.

Так, а если вспомнить... На нас напали в момент прохода по болоту, помню. Упал с носилок, видимо бросили. Бойцы наверняка устремились назад и вступили в бой с фашистами, а меня оставили... Стоп, там же еще Олежка был, его тоже на носилках несли.

Оглядев все вокруг, нашел и свои, и Олежкины носилки. Но вот самого его не было. Черт, надеюсь, он в болото не упал, жаль парня. Не заслуживает он такой смерти.

Тропа была очень узкой, человек, упавший с носилок, за просто мог скатиться в воду, и все, поминай как звали. С винтовкой в руках был недолго, бросил. На кой черт она мне, все равно не смогу выстрелить. Вернулся к своим носилкам и, чуть передохнув, дополз до вторых. Олега нигде не было. Но далее шли следы волочения, все интереснее.

Напрягаясь изо всех сил, пытался продвинуться ползком еще хоть несколько метров. Не вышло. Вновь потеря сознания и довольно быстрое пробуждение. Сил не было совсем. Почему так? Никогда не был в подобной ситуации, чтобы вот

так, совсем не было сил. Просто улегся на бок и смотрел в одну точку. Где-то, совсем недалеко, судя по звукам, кто-то шевелился. Может, Олежка?

– Мельник? – вновь тихо позвал я, боясь повысить голос. В ответ пришли чуть более громкие звуки шевеления. Точно человек, но кто? Олег или еще кто жив остался?

Голоса ненавистных фашистов раздались громко и где-то рядом. Черт, неужели выдал и себя, и того, кто прячется где-то неподалеку? Захрустели палки под ногами, звонко, громко. Тот, кто двигался где-то совсем рядом, явно был уверен в своей безопасности. Где бы укрыться...

– Ханс! – протяжно и мягко произнес кто-то буквально в нескольких метрах от меня.

– Что, Руди? – этот где-то чуть дальше.

– Смотри-ка, тут живой красный! Уж не его ли тащили бандиты, пытаюсь уйти от нашего взвода утром? – Этот Руди стоял совсем близко, но не трогал меня пока.

– Осторожно, он может быть опасен! – отвечал второй.

– Да он, похоже, не жилец уже. Добить?

– Приказ был доставить русского офицера, который командовал группой диверсантов.

– Думаешь, это он?

– Ну а кого еще бы потащили через болото на носилках, прикрывая и неся такие потери? Партизаны тут почти взвод потеряли, – говоря последние слова, тот, которого называли Хансом, подошел вплотную.

– Что, предлагаешь тащить? – грустно спросил Руди. Пожив немного среди немцев в Ровно, я легко различал нотки эмоций в голосе.

– Не знаю, он как решето. Не доживет...

– Пусть подыхает, скажем, что не нашли.

– А если кто другой из наших здесь пройдет? Нам влетит. Давай уж лучше утопим, так будет наверняка.

И тут же сильные руки двух солдат вермахта подняли меня с земли, и я полетел в воду. Черт, как холодно... Плюх раздался совсем тихий, и я пошел ко дну. Но что-то было не так... Довольно быстро я осознал, что меня не затягивает. А это значило только одно: это была чистая вода. Посреди болот встречается и такое. Лужицы, ничем не отличимые на вид от трясины, но не засасывающие.

Стараясь не дергаться, я задержал дыхание насколько мог. Хорошо еще, успел вдохнуть, перед тем как упасть в воду. Тело гудело от боли, голова начала звенеть от недостатка воздуха, но я упорно не выныривал. Сколько просидел так, не знаю, может, минуту, а может, и все две, для меня это показалось вечностью. А затем... Затем я почувал, как меня вновь схватили, только в этот раз за ворот комбеза.

– Командир, ты живой? – живой и смертельно бледный Валерка смотрел на меня, удерживая за воротник.

– Д-да, – выдохнул я и набрал полную грудь воздуха. Так хотелось дышать, что я забыл обо всем на свете. Кашель сорвался с моих губ, но его заменило бульканье воды. Я вновь

был под водой, на этот раз меня там еще и удерживали. Я совсем уже отчаялся, кашель выкручивал меня наизнанку, заставив захлебнуться. Грязная болотная вода хлынула внутрь, и я задергался. Кажется, меня рвало прямо под водой, отчего стало невыносимо больно, и я стал терять сознание.

– Мороз, ну, давай, очухивайся! – услышал я и тут же почувствовал удар в грудь. Несильный, только для того, чтобы я выплюнул воду, этот удар привел меня в чувство. Только я вновь закашлялся. На этот раз мне просто прикрыли рот ладонью, и попытался сдержаться.

– М-м-м...

– Терпи, командир, терпи! – голос Веревкина был умоляющим. – Терпи, иначе конец! – И я сделал над собой невероятное усилие. Наконец, першение в горле и боль в груди начали отступать, и я уже спокойно открыл и вновь закрыл глаза. Валера убрал ладонь от моих губ, дав спокойно вдохнуть, но неглубоко.

– Ушли? – только и спросил я.

– Кажется, – кивнул Веревкин. – Ты как?

– Удивлен, что еще жив, – прохрипел я шепотом. – Ты один?

– Здесь да. Олега утащили ребята из отряда, хотели вернуться за тобой, но фрицы раньше пришли. Тропка узкая, не разойтись, а его первым тащили, вот и понесли дальше. Я за тобой вернулся, скоро еще боец будет.

– Что вообще творится вокруг? Немцы тут бродят, ты

приполз...

– Да ударили они по тропе из минометов. Много утонуло, кого-то просто убило. Меня только оглушило чуток.

– Ты же раненый был?

– Да фигня, почти не болит. Олег тяжелый. Не знаю, выберется или нет. Да и тебе скорее к доктору надо. Крови потерял ведро, наверное...

– В человеке столько нет, – успокоил я друга. – Слышь, чего делать-то будем? Как выходить, да и куда? Я ж вообще не понимаю, куда нас утащили партизаны.

– Где-то на севере от Воронежа. Сколько до наших, не знаю. Командиры партизан полегли, а только они знали дорогу. Этот, что со мной, простой рядовой. В окружении был, попал к партизанам, да так и остался. Четверо нас всего и осталось.

– То есть еще один из наших пропал, так? Партизаны говорили, что четверых нашли...

– Да, трое нас осталось. Но если подумать, то я вообще один, и два полуживых еще, – усмехнулся Веревкин.

– Да уж, – грустно качнул головой я, – чего делать-то будем?

– Как-то вылезать надо. Точнее, залезать. Выбор-то небольшой, на болота, туда, где поглубже и побольше комаров.

– А я их чего-то и не ощущаю, – задумался я, – мертвых, наверное, не кусают.

– Сплюнь, на фиг! – выругался тихонько Веревкин.

– Да я скоро кишки выплуну, Валер. Сил нет, от слова совсем.

– Я ж говорю, крови много потерял. Спина-то как дуршлаг. Но вроде же тебе все вытащили?

– Да ни фига, – я опять кашлянул. – Валер, кажись, где-то один глубоко застрял. Может, какой глубоко ушел, а вы не заметили, когда вытаскивали. Крови было много, могли и пропустить...

– Да если бы и заметили, мы ж не хирурги. Наших навыков хватает только для быстрой обработки мелких ран. А у тебя, если и правда куда-то далеко влетело, нам не вытащить.

Подтягивая меня, как и прежде, за ворот, Веревкин двинулся в глубь болот. Деревья вскоре стали более толстыми, а чавкать подо мной стало меньше. Никак в сторону ушли? Только вот куда, ведь вроде говорили, что тут кругом болото? Периодически покашливая, стараясь прижимать ворот комбеза ко рту вовремя, я стонал, но держался. Сил помочь Валерке так и не появилось. Ноги чую, но какие-то они ватные. Как штаны. Спина зудит и ноет. Внутри, может уже мерещится, как будто что-то ворочается.

Сколько меня так тащил Валерка, не знаю, вроде не терял сознания, а как стемнело, даже и не заметил. Вокруг стало так жутко, что становилось даже страшно.

– Слышь, Веревкин! – шепнул я.

– Да уж тут не шепчись, – усмехнулся напарник, – далеко

уползли.

– А ведь фрицы не зря на меня вышли, – вдруг подумал я.

– Почему?

– Говорили между собой, что приказ доставить командира диверсантов. Это раз. А вот как они меня нашли, это уже два!

– Не понял, ну нашли и нашли, что в этом такого? Искали же.

– А ты послушай вокруг, – заметил я, – если бы я искал кого-то в этом лесу, сто процентов бы нашел.

– Тихо, – прислушался Валера.

– Вот именно. Тихо! Ни тебе чирикания птичек, ни звяряшки какой. Тишина! Значит, люди рядом, живность боится и молчит.

– О, блин. А ведь и правда. Я ещё подумал, надо бы на жратву кого поймать, так нет никого. Тогда, помнишь, зайцы хоть были, а тут...

– Или это из-за нас, или... – я попытался всмотреться в темень вокруг, – за нами идут.

– Только если они по воздуху летят. Бесшумно невозможно. Тихо ходить по лесу и мы умеем, но бесшумно никак!

– А мы разве сейчас шумим? – удивился я.

– Так я же стараюсь потише...

– Ты не понял меня. Мох под нами, вот и тихо. Так и у преследователей такой же мох. Вот их и не слышно. Одна надежда, что без фонарей они идти испугаются.

– Да уж, я-то уже здесь был, вот и иду пока. А как они могут? Не, думаю, все проще. Живности на болоте нет, потому как место гиблое, да еще и людьми пахнет.

– Может, – я вздохнул и вновь кашлянул, – ты и прав.

Было страшно и странно как-то. Тишина, я едва ли не впервые, как попал сюда, слышу такую тишину. Бывал уже не раз и в лесах, и в полях. Эх, да где я уже только ни был за это время. Легче сказать, сколько я в городе дней провел, чем в лесах. Но нигде не было такой тишины. Самое подходящее слово – мертвая.

Олега и еще одного бойца мы нашли вскоре. Оба спали. С Мельником было непонятно, то ли спит, то ли в отключке. По словам Веревкина, у Олега было тяжелое ранение в голову, вон, лежит, а головы почти не видно. Замотан весь как мумия.

Несмотря на май месяц, было холодно. Да мы еще и мокрые все, как выдры. Плюнув уже на всю конспирацию, тем более, если не от ран, так от холода я точно сдохну вскоре, я попросил развести костер. Дров тут было не найти, болото, да и темнота как-то не сильно этому способствовали. Но Валера быстренько пошуршал вокруг нашего лежбища и чего-то насобирает. Пару раз треснул особенно сильно, видимо сухостой ломал.

– А спички-то тю-тю... – развел руками Веревкин. Мне хоть и было его плохо видно, но я разглядел. Глаза понемногу привыкали к полной темноте, очертания человека видно.

– У меня зажигалка в кармане, только, наверное, тоже сырая. Хотя она немецкая, вроде как плотно закрывается. Посмотри, – я хлопнул себя по карману на груди. Точнее, карман был внутренним, но располагался он именно на груди.

Валера быстро достал зажигалку и, зачем-то встряхнув ее, высек искру. Видно было, что огонь у нас, скорее всего, будет. Еще пару минут повозившись с ветками и мхом, напарник все же разжег небольшой костерок. Свет больно резанул по глазам, и ночное зрение сразу пропало. Ну и шут с ним, только бы тепло стало. Мох, который Веревкин приготовил для розжига, оказался более сырым, чем мы думали, только дым от него, поэтому костровой начал зажигать тонкие веточки, которых, к нашей радости, было много. Спустя пять-семь минут у нас наконец что-то получилось. Валера начал добавлять веточки потолще, а они занимались от небольшого огня все веселее.

– Ой, зря, – выдохнул мой друг, когда огонь уже устойчиво горел, а меня подтащили поближе к нему.

– По хрену, – неопределенно качнул головой я. – Я уже готов был в болоте утонуть, а ты костром меня напугать решил?

– Не костром, а теми, кто на него притащиться могут.

– Спасибо, кстати, что вытащил. В голове уже звенело, захлебнулся бы.

– Я видел, как тебя бросили. Ждал только, пока хоть чуток отойдут. Хорошо, что не всплыл сразу, они чуток постояли

и ушли. А я ползком к тебе. Боялся еще в воду лезть, не знал же, что там не засасывает. Как нащупал тебя, так и вытянул.

— Я и говорю, спасибо, — протянул я руку другу, но тотчас ее опустил. Сил так и не было.

Проснулся боец, что остался одним из выживших партизан. Сначала испугался, чуть не закричал. Это на него и костер подействовал, да и мой видок. Ему что-то приснилось, проснулся, говорит, а тут огонь, думал, его сейчас жечь будут. Посмеялись, правда я недолго. В придачу к общей слабости и боли во всем теле пришла головная боль. Башка просто гудела, как пустой чугунок, готовая лопнуть. Как же мне плохо-то! И ведь никто не пожалеет... Ладно, сам себя любимого буду жалеть, что еще остается.

От новой вспышки боли, или от общей усталости, но я вновь провалился в небытие. Очнулся, укрытый какой-то хламидой вместе в Валеркой, разглядел, потому как уже светало. Рядовой боец, что сидел перед костром сейчас, бодрствовал. Оказалось, сев к костру, он отправил Веревкина спать и укрыл своей шинелью.

— Не холодно? — спросил я тихонько, боясь напугать бойца.

— Ой, товарищ старший лейтенант, вы очнулись? — вздрогнул все же боец и вскочил.

— Лейтенанты на фронте, а мы в жопе. Андрей я. Как тебя?

— Леша, — неловко опустил на пятую точку боец и тут же поправился: — Рядовой Матросов. Алексей.

– Ты вот что, Лешка, перестань тянуться. Устав дело хорошее, да только где армия, а где мы. Все понял?

– Да, – вновь кивнул парнишка. Молодой он совсем. Едва ли больше восемнадцати.

– Какого ты года? – задал я следующий вопрос.

– Двадцать третьего... – увидев мои глаза, споткнулся и поправился: – Двадцать четвертого.

Опустив голову, неловко было за такую маленькую ложь, Алексей замолчал.

– За романтикой пошел? Думал, фрицев гонять на фронте будешь, да? А тут вон она, война-то какая. Алеша. Тут грязно, страшно и больно...

– Я не струсил, товарищ лейтенант. Просто заблудился. Все уходили по лесу, кто куда. Сам не понял, как остался один. Меня что теперь, под трибунал? – боится парнишка, аж трясет его.

– Дурной, что ли? – удивился я. – За что? Ты вон, даже с оружием идешь. У меня и такого нет.

– Это не мое. Потерял где-то в лесу. Эту винтовку уже здесь, на болотах подобрал. Патронов, правда, нет совсем.

– Ничего. Авось найдем. Не бойсь, Лешка, ещё повоюем.

И тут очнулся Олег! Господи, как он закричал. Если бы я был не в таком тяжелом состоянии, наверное, подпрыгнул бы. Вон Лешка как взлетел. Я думал, на дерево заберется от страха.

– Да прикрой ему рот уже, чего испугался-то! – шикнул я

на рядового. Тот несколько поколебался, но подошел и быстро прижал ладонь ко рту Мельника, стал упрашивать того быть потише.

Олег внял, но стал выть. Больно ему, а что делать? Я и сам как овощ, Валерка тоже вон раненый, а храбрится. Один Матросов у нас целый.

– Олечка, ты как, живой? – спросил я. Лежали-то рядом, так что даже голос не повышал.

– Ой, млять! Как же больно-то! – вылетело у него. – Убейте меня уже, что вам стоит? Сколько мне мучиться еще?

– Мельник, мать твою, ты чего захлюпал тут, как баба на сносях? – пришлось рявкнуть и придавить авторитетом. Хотя хреновый у меня сейчас авторитет, сам чуть жив.

– Командир, не могу больше. Как стерпеть такое? Почему я не вижу ничего?

– Олечка, я не знаю, что у тебя с головой, сам не ходячий, лежу бревном. Но у тебя повязка на глазах, вот ты и не видишь, – спокойно пояснил я второму своему другу. Мы с ним многое прошли, так что, конечно, он мне друг.

– Зачем глаза-то замотали? – вдруг как-то разом успокоился он. – Мне же куда-то по затылку прилетело?! Мина хлопнула сзади, я даже не сразу сообразил, что мне больно.

– Лешка, ты тоже не знаешь, чего у него с головой?

– Нет, товарищ лейтенант, не знаю. Я его не бинтовал, таким и нашел.

– Развяжи, хоть глаза освободи! – немедленно потребовал

Олег.

– Так у тебя руки-то целые... – недоуменно произнес рядовой.

– А, вашу маман! – Олег злобно фыркнул и начал едва ли не рвать тряпку, что закрывала глаза.

Он, видимо, так испугался темноты, не понял даже, что с руками-то все в порядке. Дойдя до последних слоев тряпицы, которая играла роль бинта, Олег взвыл, видимо, тряпка присохла, а он рванул.

– Алексей, глянь, чего у него там, а то сейчас и голову-то себе открутит! – шепнул я. Рядовой сел рядом с Олегом и попросил того убрать руки. Аккуратно, я все это время наблюдал, Валерка меня удачно расположил, Лешка отделил тряпку от раны. Олег ее уже надорвал, так что получилось легко. По лицу рядового стало понятно, что ничего хорошего там нет. Точно, побежал блевать...

– Б...! – выругался Олег. – Да что там такое-то?

– Сейчас посмотрю, – встал Валерка. Ему по фиг на вид раны, мы с ним еще когда всякого нагляделись. Точно, подошел, спокойно наклонился и даже хотел, наверное, поковырять. А, нет, взял тряпку и промакивает.

– Ну, млять, не томи уже! – Олег что-то разошелся. Надо урезонить, а то точно фрицы придут.

– Мельник, твою мать, заткнись уже, а! – рывкнул было я, и кашель скрутил меня в дугу.

– Ну, – задумчиво произнес Валера, – рана, конечно, боль-

шая, но, думаю, не опасная. А повидал уже всякого, так, командир? – Я в это время сплюнул тягучей слюной и кивнул, а Веревкин продолжил: – Тут площадь раны большая, но сама она не глубокая. Если бы глубже чуток, он бы уже не кричал.

– Так чего я, жить-то буду? – спросил вдруг успокоившийся Олег.

– Да будешь, куда ты на фиг денешься. Ты вот что, по нужде не хочешь?

– Чего? – удивился Мельник. Казалось, вопрос был не в тему. Но я сразу понял. Мы еще тогда с Валеркой через такое прошли, когда впервые по лесам блуждали.

– На тряпку помочись и приложи, а я перебинтую. Правда, нечем...

– Возьми у меня кусок рубахи, – сказал вдруг вернувшийся после облегчения рядовой Матросов. С этими словами он задрал гимнастерку и оторвал подол своего нательного.

Валерка распустил этот кусок на лоскуты, делая подобие бинта, и скрутил их в рулончик. Так удобнее потом бинтовать. С помощью двух бойцов Олег встал, но было видно, что и сам бы справился. Его, конечно, мотало еще как, но держался. Если судить по словам Валерки, то там больше контузия виновата. Ранение оказалось скальпированием, содрало здорово кожу с головы, ну, может, чуток глубже. Рана была обширной, поэтому и крови много.

Олег закончил с пропитыванием тряпки самым лучшим антисептиком и сам же приложил последнюю к ране. Валер-

ке даже поправлять не пришлось. Брезгливости не было у нас, здесь не до нее. Веревкин был опытный в ранах, да и в школе его немного натаскали, видя то, что парня не пугают раны. Аккуратно забинтовав голову Олегу, он перешел ко мне.

– Надо смотреть, командир, как хочешь, иначе... – Что иначе, я понимал. Сепсис, гангрена и прочие радости воспалившейся раны.

– А толку-то? Все равно инструмента нет, чем доставать, даже если и нащупаешь? – передернулся я.

– Там видно будет, – многозначительно произнес мой товарищ. – К немцам надо...

– Чего? – возмутился Олег.

– Помнишь, старшой, как нам здорово их аптечки помогали?

Я кивнул.

– Да где их тут брать? Немцев много, вам одним с Лешкой не справиться. Но вот валить отсюда нужно, это точно. Лес тут редкий, это не в Белоруссии. Обложить нас, как два пальца...

– Немчура не сунется в болото, хоть оно и небольшое на самом деле, – заикнулся Валера.

– Валер, да им это и не нужно, – я поднял глаза к небу, – с голоду помирать начнем, сами выйдем.

– Я найду чего-нибудь... – уверенно заявил Веревкин.

– Да я не сомневаюсь. Только поймают тебя, и баста.

Это было правдой. У партизан всегда львиная доля времени уходит на поиски еды. Питаться ведь нужно каждый день, а где ты в лесу еду возьмешь, скажем, зимой? Вот-вот. Сейчас хоть и не зима, май стоит во всей красе, но от этого не легче. Идея у меня была, конечно, но она настолько авантюрная, что боюсь ее даже озвучивать. Вдруг ребята не поймут, что тогда?

– Командир, в санбат надо, если выжить хочешь! – тихо сказал Олег. Я его понимаю, он и сам хочет скорее к врачам, жить-то хочется.

– Выход только один... – начал я издалека.

– И какой? Немцам сдать? Будут они нас лечить, ага, петлей, ну, или пулей! – фыркнул Мельник.

– Почему сразу сдать? – делано удивился я. – Может, вспомним прошлое?

– Как это? – встрял в разговор Валерка.

– О вас с Матросом речи нет. Вы не подойдете...

– Что, опять? – едва не закричал Олег. Прошлые наши похождения в Ровно дались ему очень трудно. Нужно быть очень устойчивым психологически, чтобы находиться во вражеском окружении.

– А почему нет? Пару фрицев нам ребята организуют, прикинемся бессознательными, и здравствуй, госпиталь!

– Так документов же нет, о чем ты вообще думаешь? – Олег не унимался.

– Это единственная возможность, и ты это знаешь, – стро-

го ответил я, — нам не добраться до своих. Мы черт знает где, сколько ехали, убегали, потом партизаны... Да они нас могли вообще под Курск затащить, или еще куда!

— Вообще-то, отряд в Курской области действовал, — подал голос рядовой Матросов.

— Во! А я о чем? Ты представляешь, где наши? Мы сдохнем скоро. Я не хочу гнить заживо, как хочешь! Лучше уж пулю в лоб.

— И как мы к ним попадем? — вдруг изменил тон Олег.

— Это на ребятах будет. Нам нужны два фрица, пофиг какие, сейчас не до того, чтобы легенды сочинять и подбирать подходящую кандидатуру. Кто будет, под тех и играть будем. Тут дело только в наших силах. Если фрицы будут откуда-то поблизости, надо уйти чуть дальше, чтобы попасть в другое подразделение. Тогда шансы есть, и неплохие.

— Командир, ты о чем вообще?

— К немцам пойдем, Валер. Как думаешь, сможете вы с Лешкой нам двух фрицев притащить? Можно дохлыми. Даже не так, полную форму, документы, жетоны. Все!

— Если просто одежду, без самих трупов, то, думаю, можно. Только не знаю, как наш новенький?

— Я помогу, эти места немного знаю. Я постараюсь. Только как вы сами-то?

— Тебе позже Валерка все объяснит. Дело такое, по-другому никак. Умирать еще рано, война идет, мы еще не все в этой жизни сделали. Так, ребят?

После таких речей меня поддержали все. Валерка с новичком ушли через полчаса, получив полные инструкции. Мы же занялись немецким и легендой. Идеально будет, если ребята найдут немцев из оцепления. Можно будет сослаться на то, что мы попались партизанам и те нас хорошенько потрепали. Но, как и говорил, нужно попасть в чужое подразделение. А как иначе, свои-то сразу раскусят, просто по внешности.

Боль то возвращалась, то немного отходила. Олег тоже мучился, видно было, что ему больно, но терпит пока. Господи, сколько раз я в этом времени уже шкуру драл, а? На мне живого места нет. Не прет мне на ранения. Нет бы полегче как, а каждый раз как в последний. Едва успевал из-за края вылезти.

Мы всерьез проголодались, но это даже хорошо. Для легенды хорошо. Когда будут в госпитале осматривать, по ранам поймут, что им несколько дней, где ж мы были? Вот и надо соответствовать внешне. Легенда будет простой. Гонялись за партизанами, получили ранения, вылезали долго, пока не наткнулись на «своих». Получится или нет, я уже не думал, это реально единственный шанс выбраться. По-другому никак. Парни-то без нас выберутся, Валерка сможет, я верю. Но вот нам, лежащим, без срочных операций никак.

Ребята вернулись почти через десять часов. Уже вечер был. То, что они приволокли, меня удивило на все сто. Это

были два живых фрица. Сильно побитые, но целые! Да какие фрицы! Загляденые просто. Один унтер-офицер, и с ним рядовой. Комплекции, рожи...

— Валер, ты меня просто удивил! — восхитился я. — Ты специально таких искал? — Фрицы здорово были похожи на нас самих с Олегом. Ну, относительно, конечно. Нельзя найти своего двойника так просто. Похожих людей, конечно, много, это ученые так говорят, но найти их в одном с собой месте — это вряд ли. Тем не менее фрицы были и правда очень даже похожи. У рядового даже рост мой и цвет волос. Жаль, носы не такие, нос здорово привлекает внимание. Но что поделать, если у «истинных арийцев» такие хрюпальники.

— Ну а смысл брать кого попало? — удивился Веревкин, шумно проглатывая воду, которую пил из фляжки. — Рядовой, думаю, тебе больше подходит...

— Да и унтер на Олега похож, — кивнул я. — Раздевай, и так уже времени прошло черт знает сколько.

Готовили фрицев недолго. Те слушались, на удивление безропотно выполняли наши приказы. А они были на первый взгляд странными. Раз уж живых притащили, нужно выспросить побольше, прежде чем в болото их загнать.

Кто и где родился, как звать родителей и близких людей. Кто друзья, а кто достоин только удара в зубы. Много было вопросов, да и ответы нас удовлетворяли. Фрицы боялись, серьезно так боялись. Оказалось, они только две недели как из запасного полка, в Польше отдыхали. В местных реали-

ях еще ни в зуб ногой. Друзей на фронте пока не завели, так, приятельствовали, но не более. Подразделение оказалось охранным, но не жандармы, а простой вермахт. Этих двух отправили в оцепление одной деревни, там вроде как партизаны «завелись». Их было неполное отделение, когда пришел приказ оставить позиции и вернуться в расположение. Немцы, привыкшие выполнять приказы, вопросов не задавали. Вчера вечером и вышли. По пути на них налетел шальной отряд партизан, и почти все полегли. Этим удалось скрыться, так как шли с краю, вот и нырнули к озеру, там по воде свалили. На выходе к своим их тут же развернули и в составе взвода пригнали туда, откуда их выкрали мои архаровцы. Километров десять отсюда. Взвод немчуры оказался опытным, и солдаты не собирались просто так умирать в здешних болотах. Они ушли подальше от места, где в последний раз видели партизан, и затихарились, разбившись на пары.

Эти двое были просто клад. Мы можем пойти практически в любую сторону и примкнуть к любому подразделению. Оказалось, у немцев такой же бардак. Если какому командиру срочно понадобятся люди, а под рукой будут чужие, он, несомненно, их прихватит. Одна с нашими разница, обязательно сообщит в родное подразделение, что взял себе чужих солдат. Но это нормально. Никто нас проверять не станет, думаю. По идее, да и пленные это подтвердили, нас должны сразу отправить в тыл, госпиталь по нам плачет.

Проблема была в одном – раны. Если верить фрицам, они только недавно призвались, а мы? Особенно я, все тело в шрамах. Но выбора нет.

Врать фрицам нужды не было, вон их как колотит, бояться, понимают, не маленькие, что их ждет. Умоляют оставить в живых, семьи у них и прочее. Кстати, меня уже давно не раздражает нытье врага. Помню, в сорок первом, когда слышал такие речи, сразу заводился, а теперь... Да пофиг на них. И на речи, и на немцев.

– Командир, этих чего, валить? – спросил Валерка.

– А ты с ними выйдешь? – просто спросил я.

– Ну, можно попробовать, – задумчиво ответил друг, – грохнуть их никогда не поздно, если что.

– Хотите, тащите, – просто сказал я, – только толку-то от них. Чего они смогут рассказать?

– Старшой! – привлек мое внимание Олег.

– Чего?

– Валите их. У наших они сами и расскажут, как двое чуть живых русских надели их форму. Опять вопросов будет столько, что заманедемся отбrehиваться.

– Олeжка прав, – кивнул я. – У меня и для вас целая лекция. С тобой-то все понятно, а еще ведь Матросов есть...

– Меня не надо валить! – робко произнес Лешка. – Я ничего не скажу.

– Тут наоборот нужно. Необходимо сказать именно то, что нам не сможет повредить, точнее даже, должно помочь.

Убалтывать вас будут ой как серьезно. У Валерки спросишь, он уже опытный.

— Вот почему я и остался у партизан, не хотел на допросы попасть... — севшим голосом ответил рядовой.

— Ну а как без допроса? — пожал я плечами, что причинило мне новую боль. Прокашлявшись, продолжил: — Ты из вражеского тыла идешь, обязаны допросить. Но вы помните, что я рассказывал. Если пойдет все не так, как я говорил, можешь мне не верить. Хорошо?

— Да все я понял. Сам понимаю, что будут пряник сулить, чтобы сдал остальных.

— Конечно. Главное, не заикайтесь даже, что мы к фрицам собрались. Твердите, как «Отче наш»: командир, будучи тяжело ранен, отправил на выход из окружения. Никакого смысла вам умирать вместе с нами нет. Если следак нормальный попадется, то сам поймет, ну а дурак помучает немного. Главное, Валер, весь расчет на тебя!

— Да, я все понимаю. Левитин заступится, своих он не сдаст.

— Максим Юрьевич как отец родной, главное, доберись до него. Вот тому уже можете говорить всю правду.

Я долго и обстоятельно инструктировал бойцов, что и как говорить. Как вести себя на допросах, а будет их немало. Ведь отсюда нет прямого пути в нашу школу. Сколько будет особых отделов по пути к дому, даже предположить не возьмусь.

Хотел, чтобы новичок, рядовой Матросов, сам убил фрица. Но тот сник, понимаю, убить безоружного, да еще и полностью раздетого человека, очень тяжело. Все сделал Веревкин. Валерке с недавних пор это не трудно. Пока отправлял на тот свет одного фашиста, второй начал причитать и, увидев возвращающегося с болота нашего бойца, заверещал. Валера быстро прыгнул к нему и вогнал штык в живот со всей своей пролетарской ненавистью. Матросов стоял рядом и не смог сдержаться.

– Ну, отошел? – спросил я, когда Лешка прокашлялся и вытер рот. Рвало его минуты три без остановки, чем хоть, жрать-то давно нечего.

– Да, извините, товарищ командир. Больше не повторится...

– Да брось, – качнул я головой, – у всех такое было. Это реакция нормального человека, если хочешь. Ты думаешь, мы нормальные? Забудь об этом, парень, война ломает людей, обратной дороги нет.

На сборы парней ушла вся ночь, а под утро, когда они уже собирались уходить, мы увидели свет фонариков. Черт, немцы упредили нас и все же залезли в болото.

– Так, меняем план! – выдохнул я. – Валер, уходите по кочкам, как и показывал Лешка. Так уж получается, что не вы будете отвлекать, а мы. – Я хотел, чтобы парни, пошумев в стороне, увели фрицев отсюда. Мы хотели попасть к другому подразделению немцев, чтобы в нас не признали врагов.

Но теперь уже не знаю, как получится. Главное, чтобы парни ушли, все же я почтидохлый, Олег немногим лучше, а они целые, от них еще будет польза.

Ребята рванули в глубь болота, благо уже было достаточно светло. Свет фонариков тоже становился невидимым, а может, уже и повыключали их фрицы. Хлюпанье под ногами наших бойцов быстро исчезло, мы с Олегом осмотрели друг друга в который раз и разом застонали.

Услышали нас не сразу, еще минут двадцать ничего не происходило. Мы ползли в направлении фашистов, Олегу чуть проще, у него раны немного легче, а вот мне было очень больно. Рана, видимо потревоженная моим движением, стала обильно кровоточить. Ощущаю себя буквально в луже. Хотя я и так в луже. Вон, вся форма немецкая уже промокла. Но внутри, под бельем, я точно ощущаю противную липкую влагу. Эх, получится что-то или нет, решится, я думаю, в ближайшее время. Если нас разоблачат немцы, то просто пристрелят, и баста. Но если прокатит и нас отправят в госпиталь... Блин, хоть это и будет вражеским тылом, но что-то я прям хочу туда! А знаете, почему? Да потому, как прекрасно представляю себе перспективы оказаться сейчас в нашем госпитале. Думаю, сдохну я там быстро и надежно. А вот на фрицев надежда есть...

– Кто тут?! – голос. Грубый, настороженный голос, вещавший на немецком языке. Фрицы появились как-то внезапно, может, я отвлекся и не заметил, не знаю.

– Унтер-офицер Шлоссенбах, – первым подал голос Олег, у него и речь намного лучше, я хоть и стал отлично говорить на немецком, но все же Олег говорит как-то свободнее, что ли. – Помогите, мы немецкие солдаты!

Реакция немцев мне понравилась. Они не побежали опрометью, а осторожно, страхуя друг друга, стали выходить из-за деревьев. Было их трое, я почти не могу их разглядеть, лежу неудобно, но вроде простые солдаты вермахта, не эсэсовцы. Почему появилась надежда? Думаю, если бы тут были фрицы, которые знали тех немцев, под чьей личиной мы сейчас, пошли бы более уверенно. Тут же они осторожно подошли и осматривают нас, но оружием не бряцают. Не опасаются то есть.

– Вы ранены, унтер-офицер? – наконец произнес один. Здоровый такой детина, наверное, под метр девяносто будет, лежа на земле точно не разглядишь, подошел и присел над Олегом.

– Помогите, у меня ранение в голову, у рядового Блюма пробита спина, да и вообще он серьезно пострадал... – да, это, кстати, было еще одним слабым местом в нашей афере. Форму фрицевскую нам Матросов с Валеркой, конечно, постарались привести в похожий на нашу вид, но несоответствия ранений и дыр на одежде не скрыть.

– Вы можете идти? – спросил детина.

– Я, наверное, смогу. Рядовой точно нет... – Олег попытался встать, немец ему помог. Выпрямившись, мой друг до-

стал документы и предъявил фрицу. Затем с видимым усилием проделал это с моими. Будем надеяться, что фрицы не разглядят неточность фотографии, да и кровушкой они заляпаны, как бы случайно.

Надо отдать должное фрицам, бумаги хоть и просмотрели, но быстро. Вопросов не возникло. Были они по другому поводу.

– Унтер-офицер, как вы здесь оказались? – фрицы уже сооружали носилки для меня, но тот здоровый так и продолжал общаться с нами. Точнее, с Олегом. Я играл близкого к смерти солдата вермахта.

– Нас взяли русские партизаны. Мы были в поисковом отряде лейтенанта Гроссе... – номер части Олег не говорил, фриц видел его в документах, – выдвинулись на поиски партизан, оцепили участок. Нас трое было, одному солдату не повезло, партизаны убили его самым первым. Черт возьми! – выругался Олег, как же натурально у него это получится! – Эти бывшие колхозники научились так тихо ходить по лесу, нас застали врасплох.

– Если они не бегут как лоси по лесу, спасаясь от наших солдат, то могут быть очень скрытными и опасными, – соглашаясь, кивал здоровяк фриц. – Меня зовут Отто, фельдфебель Отто Хайфельдт, вас далеко утащили, унтер-офицер. Здесь в районе пяти километров ответственность нашего батальона, а мы с вами даже не из одного полка. – Ладно хоть не Ником его зовут. Был в моем времени гонщик один, с та-

кой же фамилией. А, да ладно, я вон, пока в Ровно тогда сидел, собственными глазами видел гауптмана Шумахера, чего уж тут какой-то Хайфельдт.

— Я даже не знаю точно, куда нас утащили. Был без сознания, как и мой солдат, — Олег указал на меня.

— Я что-то слышал о вашем подразделении. Кажется, ваш полк располагался южнее нас, дивизия-то одна.

— О, я надеюсь, что вы поможете нам туда добраться, господин фельдфебель? — закинул удочку Олег.

— К сожалению, господин Шлоссенбах, мы пеший патруль, наши машины далеко, а вам нужно скорее к врачу. Мы доставим вас в расположение своей части, это гораздо ближе. Но госпиталя у нас нет, а батальонная санчасть вам, я думаю, не поможет. Особенно рядовому. Хороший госпиталь только в Курске. Извините, но когда вы в него попадете, я не знаю, — фельдфебеля окликнули, и он кивнул в ответ. Носилки были готовы. Ох, что я испытал, когда меня, как цацу, водрузили на носилки двое немцев и понесли... Только за это уже можно помирать. Враги бережно таскают, где бы записать? Это было бы смешно, если б не было так грустно. Просто больно уж очень, в груди просто огонь. Я и так был без сил, а тут еще с этими приготовлениями вообще ослаб. В общем, я тупо вырубился уже через несколько секунд. Куда нас тащили, сколько времени, понятия не имею. Очухался только от тряски. Было очень неприятно, что сдавливало меня с обеих сторон, и, открыв глаза, я попытался посмотреть.

Стоны и скулеж были мне ответом на мои вопросы. Я был в кузове грузовика, а рядом лежали раненые немцы. Ого, где это их так славно потрепали? В кузове штабелями лежало по крайней мере человек пятнадцать. Все в бинтах, у кого-то ноги, у кого-то головы. В общем, фрицы были изрядно побиты. Осмотревшись, покрутив головой, не обнаружил Олега. Стало немного страшно, как-то мы это не учли. Неужели ранение у моего товарища несерьезное и его не отправили со мной вместе? Тут кто-то похлопал меня по плечу, и, превозмогая сильнейшую боль, я машинально задрал голову, чтобы посмотреть.

– Лежи, Блюм, лежи, все хорошо. Тебя немного почисти-ли, скоро будем в госпитале, и ты поправишься. Твоя мама еще увидит тебя, если все будет хорошо, получишь отпуск в родной фатерлянд и отдохнешь как следует! – Олежка чешет, как по писаному. Оказывается, я лежу где-то в центре кузова, а впереди, у меня за головой, еще были немцы.

Выдохнув в ответ, я прикрыл глаза. Боль была, да, но мне стало явно лучше. То ли это чистка ран помогла, то ли отдых, все же в беспамятстве я был долго. У нас одна проблема сейчас, Олег-то не вырубается, а вот я... Кто знает, как я себя поведу, когда буду вновь отключаться? Раз до сих пор меня еще не пристрелили, значит, пока не бредил, этого я очень боюсь. А ну как на русском вдарю, что тогда?

Грузовик сильно трясло, ладно еще хоть дождя нет, погода радует. А то бы еще и буксовали в грязи, то еще удо-

вольствие. Водитель вел машину быстро, словно не раненых везет, а дрова. А объяснялось все просто, позже Олег сказал. Наши самолеты частенько летать стали, а едем днем, вот фриц и гонит, чтобы побыстрее уехать подальше. Как и предположил тогда в лесу на болоте фельдфебель, везли нас в Курск. Не скоро еще отобьем наш старинный город у врага. Вот же гадство, сколько я бумаг отправил, рискуя попасться своим же, но все тщетно. Нет, какие-то подвижки были, мелкие, но, судя по ним, я понимал, что материалы получены. Еще улетаю на это задание, я слышал, что сняли Тимошенко. Уж чего-чего, а это точно был знак, что мои бумаги дошли туда, куда нужно. Здесь не случилось харьковской бойни, так как не было Барвенковского выступления вообще. Может, тем самым я сделал только хуже, в плане территории мы потеряли больше, чем в это же время в моей истории. Но, думаю, количество жертв будет меньше, так как не случилось котла. Наши выстроили оборону, но удары Вейхса с севера, а Гота и Паулюса с запада отбросили нашу группу армий сразу к Воронежу. Думаю, что хреново подготовились наши к обороне, только этот вывод напрашивается. Теперь-то я немного по-другому на эти вещи смотрю. Мое вмешательство сыграло на руку немцам, они провели свою операцию, как и задумывали, не отвлекаясь на Барвенково. А наши войска, как ни крепили оборону западнее Воронежа, но немчура прорвала ее. Нас ведь и закинули сюда именно из-за того, что фронт рухнул, да так стремительно, что, думаю, в ставке сейчас ад!

Таким образом, немцы еще летом могут подойти к Сталинграду, что будет... Главное, вряд ли теперь мои «записки» будут воспринимать всерьез. Но я все же напишу. Напишу именно то, что я думаю о подготовке к обороне, ведь ее по сути и не было. Сука, там наверняка опять Хрущ делов наделал, как и тогда под Харьковом. До последнего сидели с Тимошенко и рапортовали Сталину, что все в порядке и силы немцев преувеличены, вот и получили тогда минус почти триста тысяч солдат. Сука кукурузная, сто процентов он повлиял на эту ситуацию. Или виноват я сам. Теперь продвижение фрицев хоть и не было таким быстрым, как в сорок первом, но они уже на тех позициях, где должны были оказаться гораздо позже.

Если все пойдет хорошо с немецким госпиталем, то есть если нас не раскроют фрицы, представлю информацию как добытую в тылу врага. Надо будет расписать все так, будто бы немцы нахваливают наших генералов за то, как они плохо воюют. Упирать на то, что не была создана нормальная оборона.

Во всем этом радуется пока только одно: людей потеряно гораздо меньше. Не было котлов, не будет тысяч пленных и убитых, а это все чуть позже сыграет на руку уже нам. Если, конечно, командование правильно все рассчитает. А то ведь наши могут запросто похерить людей и в другом месте. Да, дел я, похоже, наделал немало, как знать, что будет, но надеяться будем на хорошее.

От размышлений меня отвлек Олег. Наклонившись ко мне, что-то прошептал на нашем языке. Мне даже страшно стало, а ну как немцы услышат, вон их сколько в кузове. Но на деле оказалось, что шептал Олег так тихо, что я и сам не мог разобрать.

– Я тебя не слышу, – ответил я на немецком, но так же тихо.

– Говорю, – Олег приблизил свои губы вплотную к моему уху, – жопа будет в Воронеже! Ты не видишь, а мне все видать, тут степи, солдат немецких... тьма просто, да и танков до хрена!

Я просто кивнул в знак того, что понял. Хотелось самому взглянуть, да никак. Спеленали врачи фашистские так, что еле дышу.

В груди так и полыхал огонь, разве что чуть-чуть послабее. Было больно, и стало ясно, зачем скрутили. Если бы руки были свободны, я бы уже весь извертелся, а так сил нет даже с боку на бок повернуться. Да и фрицы давят с обеих сторон. Хорошо их где-то покروшили, вон как стонут. Ничего, это вам, суки, еще повезло, дружков ваших мы тут и похороним. В этих степях, лесах и оврагах!

Как привезли в госпиталь, я не видел. Очнулся позже, видимо опять вырубало. То, что это был госпиталь, сразу стало понятно. Более или менее чисто, и пахнет так, как только в больнице может пахнуть.

Руки были свободны на этот раз, так что первым делом

почесался. Вши зажрали тогда в болоте, хоть и привыкаешь к ним со временем, да полностью все равно не забудешь. Уж жрать-то в нас нечего, а всю пьют, собаки кусачие. Огляделся, насколько смог. Палата небольшая, коек много. Я лежу практически возле двери, и обзор приличный. Тихо, у немцев тут «тяжелые», что ли, лежат, или спят все? Вроде за окном светло...

– Рядовой! – услышал я чей-то голос. Довольно грубый, надо заметить, голос. Повернув голову в направлении этого самого голоса, увидел солдата в форме. Сидел себе на стульчике, книжку читал.

– Да? – еле слышно, сиплым голосом ответил я.

– Очнулся? Сейчас доктора позову. Он приказал сразу его звать, как очнешься. Ну ты и спать! Двое суток, как операцию сделали, а он все не просыпается... – солдату эта собственная речь, видимо, юмором казалась, а мне было больно и страшно. Не в первый раз у фрицев в тылу, но настолько в беспомощном состоянии еще не бывал.

Я просто еле заметно кивнул ему и прикрыл глаза. Только было подумал о так надоевшем кашле, как тот не замедлил вернуться. Казалось, от боли глаза выскочат. Я пытался унять кашель, но становилось только хуже. Меня вырвало прямо на свою же грудь и кровать. Рвало кровью и какой-то тягучей слизью непередаваемого цвета.

Спустя какое-то непродолжительное время появился, видимо, врач. Он быстро и решительно сунул мне в рот ка-

кую-то трубку, или шланг, я даже не понял, и я почти сразу почувствовал облегчение. Затем осознал, что мне внутрь качают воздух. На другом конце шланга виднелись меха, наподобие тех, что в кузнице стоят, только очень маленькие.

– ...внутреннего кровотечения нет, но через перебитые органы попало много крови. Слишком долго его сюда везли, – распознал я речь врача, говорившего кому-то обо мне.

– Они с еще одним бойцом долго пробыли в болоте у русских в плену. Когда их нашли, то сразу сюда доставили. Раньше не могли, – это был еще один незнакомый мне голос.

– Ясно. Так что вы хотели, герр Шульц?

– Мне нужно допросить его, в тех местах, откуда их доставили, работала диверсионная группа противника, нужно знать точно, погибла ли она...

– От него вы этого точно не узнаете, по крайней мере в ближайшие две, а то и три недели. Он потерял много крови, ранения очень серьезные. Да, думаю, недели три он точно ничего вам не сообщит.

– Жаль, это могла быть очень ценная информация, – тот, которого обозвали герром Шульцем, расстроился. Это было отчетливо слышно по интонации в голосе.

– А как же второй? Тот ведь вполне в здравом уме. Да, у него также тяжелое ранение головы, частичное скальпирование, но он в сознании.

– Ссылается на провалы в памяти. Говорит, что долго был в отключке, даже не помнит, как их тащили в болота. Напа-

дение помнит, да и то не совсем все ясно. То ли бой был, то ли к ним подкрались, ничего определенного.

– Я все понимаю, герр Шульц, – вновь заговорил док, видимо придумал, что сказать, – но тут вам не повезло. Да и думаю, какая уже разница? Ведь прошло много времени.

– В той местности погиб мой родственник. Сами понимаете, когда мне по службе доложили о новых раненых, сообщив, откуда они, я сразу заинтересовался. Мой кузен был танкистом в четвертой армии, они стояли в готовности «один», когда на них упали диверсанты. Там мутная история, расследуют ее не наши, армейские. Все прибрали себе парни из ведомства Гиммлера.

– А что там черным надо? – Ух ты, в вермахте тоже не слишком любезно отзываются об эсэсманах.

– Говорю же, там дело темное. Похоже на предательство. Полк стоял в лесу, укрытый со всех сторон. Разведка красных вряд ли его могла обнаружить. Это был резервный полк, очень сильная группа. Штурмовики, истребители танков. Их готовили на случай флангового удара красных. А тут диверсанты. Они смогли уничтожить несколько машин, перебили кучу солдат и растворились. Нет, они тоже понесли серьёзные потери, но кто-то уцелел. Вот «черные» и копают, кому бы из наших статью навесить! – Блин, да у фрицев, похоже, в карательных органах такой же беспредел, как и у нас. Наверное, везде одинаково.

– Так, солдат, если больше не потеряешь сознание, то че-

рез часок прикажу покормить. Только пока бульон, думаю, ты и ему сейчас будешь рад. Хотя рвать тебя все же еще будет часто.

– Если будут изменения в его здоровье, дайте знать, герр Кроппе.

– Хорошо, герр Шульц. Как всегда, был рад с вами поговорить. – Глаза у меня были прикрыты, но казалось, я даже увидел, как эти двое пожали руки друг другу. – Столько ран, – это док уже, похоже, сам с собой говорит, – и все какие-то странные. Словно он не обращался за помощью даже тогда, когда был серьезно ранен...

– Что вы говорите, док? – вновь донесся голос Шульца. Блин, он, похоже, еще не ушел.

– Да отметин на нем много, давно воюет?

Твою маман, док, ты не мог это сказать чуть позже, когда исчезнет из палаты этот дотошный фриц!

– Странно, в документах сказано, что его совсем недавно перевели на Восточный фронт. Он был в Европе, а там уже давно не стреляют особо.

– Да тут и осколочные есть, и пулевые. Да, интересный экземпляр!

Сам ты экзема. Ботаник очкастый. Ляшь, он сейчас этого особиста немецкого точно заинтересует.

– Я проверю, когда и где он был, может, что узнаю. Но вы правы, док, странно это...

Я вновь лежал и молчал. Скучно, до неприличия. Час назад в меня пытались влить бульон. Пах он... Но не вышло. И сразу плевался, в горле ком стоял, не лезло ничего, так еще и вырвало в итоге. А запах у бульончика был и правда очень хорош.

Дни потянулись один за другим, похожие друг на друга настолько, что казалось, это и вовсе один и тот же день. Было скучно и совсем не страшно. Немцев то выписывали, то добавляли новых. Новые досаждали, орут, мать их, так, что мне и самому пришлось делать то же, чтобы не выделяться. Вроде я и рад должен быть, вон как наши их калечат, но, видимо, не все во мне еще сломалось. Было даже жалко их. Особенно, когда двух танкистов привезли. Мать моя женщина, как они орали, когда с них одежку срезали... Не забуду, наверное, никогда. А ведь по другую сторону фронта еще хуже! Там с нашими ребятами особо не церемонятся, терпи, и баста! Тут, конечно, более человечные врачи. Вон, хоть меня взять, переворачивают регулярно, осторожно, спокойно, даже неудобно от такой заботы. Тем более, я ж им не свой. А первое время после операции, думаю, вообще наркоту кололи, легко как-то было, хорошо.

В госпитале ничего не происходило. Пару раз были вербовщики, интересные люди. Солдаты еще чуть живые, палата-то у меня для только что оперированных, а они уже объясняют все прелести возврата на фронт. Хорошо работают. Те фрицы, кто более или менее в чувствах, даже приободря-

ются. А пропаганда у них какая! Ух. Оказывается, русские чуть ли не за Уралом уже, осталось чуток, вы уж давайте, камрады, выздоравливайте скорее, а то вам и войны-то не останется, не успеете заработать свой «Э-Ка». И ведь раненых пробирало, многие подтягивались и принимали воинствующий вид. Но как я понял из разговоров, это были в основном всякие артиллеристы, минометчики и прочие, кто на переднем крае и не бывал. Они тут почти все с осколочными. Кто под бомбежку угодил, кто еще как. Нет, не спорю, это тоже очень страшно, я вот и сам так попал, признаюсь, если бы сразу не зацепило и был бы в сознании, вряд ли смог бы удержать штаны от намокания. А то и похуже чего. Но было показательно, когда один сапер не выдержал и заорал на этих пропагандистов:

– Вы, сволочи тыловые! Вы сами-то были на передовой? Когда иваны в атаку идут, там не об «Э-Ка» думаешь, а как бы не обделаться. Слышали их «ура»? – он это по-русски сказал. – Вот! Что вы тут людям головы морочите? Оклемаемся и вернемся, куда мы денемся! Там войны еще не на один месяц!

«О, фриц, даже не на один год!» – подумал я и чуть не улыбнулся.

– У вас какое ранение? – спросили возмущавшегося фрица.

– Пулевое, в грудь навывлет. Снайпер, наверное. Мы переправу наводили, когда мне прилетело. Как кувалдой в грудь

на! Еле выловили из реки, унесло на несколько метров.

– Вы вернетесь в строй?

– А куда я денусь? Дырку заштопали, двигаться смогу, и вернусь, конечно. Хотелось бы домой съездить, мать увидеть, сестренку обнять, но вряд ли будет отпуск...

– Вам положены десять дней, они предусмотрены уставом...

– Уставом много чего предусмотрено. А где было то, что предусмотрено, зимой под Москвой? Мы там чуть не в лед превратились, одеваясь кто во что мог!

Это, фриц, ты зря, поставят тебе отметку в личное дело, что ругаешь устав, а следовательно, и того, кто его писал.

Вот примерно такие разговоры шли, пока я был совсем бревном. Об Олеге думал, конечно, мы на такой случай договорились еще там, на болоте, чтобы каждый показывал себя максимально тяжелым раненым. Это чтобы, не дай бог, на фронт не послали. Вот умора-то будет, уйти в немецкую армию! Друга я не видел, но знал, что он должен быть тут, где-то в госпитале. Нас же вместе привезли, вряд ли он уже оклемался.

С удивлением узнал, что девушки санитарки были нашими, русскими. Два фрица, во время выноса уток, попытались заговорить с сестрами. Те молчали, две их было, а когда выходили из палаты, то одна и бросила тихо:

– Не добили гадов, скоро ручонки загребущие распускать начнут.

Как они тут оказались, неизвестно, но то, что они этому не рады, это точно. Наверное, в приказном порядке заставили, ведь я нахожусь в бывшей нашей советской больнице, девочки, наверное, тут работали раньше, вот и сейчас трудятся. Осуждать их не стану, жить-то как-то надо. Им же с Большой земли продовольствие не шлют, есть что-то нужно. Да и не больно их спрашивали, как я думаю, приказали и пригрозили, вот и все. Но относятся к раненым они хорошо, на себе почувствовал. Хоть и без сочувствия в глазах, но делали все осторожно. Хотя их не допускали до чего-то серьезного. Перевязки, уколы, все делали врачи немцы, девушки же выносили утки, переворачивали солдат с боку на бок, и все, пожалуй. А, еще обтирали время от времени, не давая вонять. Главврач, серьезный такой мужик, на Эйнштейна чем-то похож, следил за этим всерьез. Да уж, отличия с советскими госпиталями налицо, как говорится. Чем чище пациент, тем больше вероятность его излечения.

Через четыре скучных, опостылевших недели мне разрешили попробовать встать. Не получилось. Сил не было, представьте! Ноги тупо не держали. Врач тогда прописал мне усиленное питание и ежедневные тренировки. Ко мне стал каждое утро приходить специальный человек, даже не в солдатской форме, и заниматься со мной и, как оказалось, с еще кучей солдат. Это был не массаж, а что-то вроде сидяче-лежащей аэробики. Сначала тупо поднимал ноги и руки по очереди. Через несколько дней эскулап заставил попробовать

проделать упражнение, вроде как на пресс. Это я прямо в постели складывался пополам. Да, мне подсунули щит из тонких досок под матрас, спать теперь ужасно тяжело, зато вроде как стало что-то получаться. Еще через две недели я уже вставал. Но только для того, чтобы делать наклоны, приседания – блин, как у немцев все интересно! Меня как будто в олимпийскую сборную готовят.

Говорили фрицы мало, что мне было на руку. Да я еще и ссылался на то, что слышу неважно, да старательно заикался в разговоре. Делал это настолько натурально, что за этот месяц, даже чуть больше, привык это делать не задумываясь. Главное же для меня в этом бесполезном лежании было то, что я стал отлично понимать речь. Говорят-то вокруг много, я уже и думать начинаю на немецком.

Через полтора месяца моего нахождения в госпитале в саду на прогулке меня нашел Олег.

- Твою мать, наконец-то! – чуть не вскрикнул я.
- Тише ты! – шикнул мой друг. – Беда, командир.
- Чего еще-то случилось? – насторожился я.
- Меня выписывать собираются...
- Хорошо, чего ты переживаешь? Свалишь, будешь ждать меня где-нибудь поблизости...
- Ты не понял, Андрюх, меня на фронт выписывают!
- Как это? Мне и то уже объявили, что будет отпуск. Даже бумаги показывали. Я с этим чуть не спалился, правда, предлагали домой написать, еле отбрыкался. Сослался на то,

что хочу сделать сюрприз. Так я рядовой, почему тебе не дают отпуск?

– Вот именно, что рядовой. У фрицев не хватает младшего командного состава, я ж унтер, помнишь?

– Млять! – только и выдохнул я.

– Вот и я о том же. Чего делать-то?

– Все будет зависеть от того, как тебя отправят, – начал я, – если поедешь один, сам понимаешь, вали куда хочешь. Если командой...

– Да мне уже отделение подобрали, из таких же, выздоравливающих. Они из отпусков возвращаются прямо сюда. Ну, не в госпиталь, в город. Получают предписание и ждут отправки. Так что я, блин, далеко не один. Как свалить?

– Слушай, ну а что, за тобой постоянно следят? Можно попробовать свалить на вокзале, а еще лучше – во время следования. Ехать-то далеко, поезда будут останавливаться, да и просто ход замедлять. Слушай, Олежка, да справишься! – я реально считал, что это не проблема.

– Так я без тебя не хочу... – вдруг заявил друг. – Представляешь, даже если и получится, то что я нашим-то скажу?

– С этим и правда хреново. Там мурыжить будут будь здоров!

– Вот, а я что говорю.

– Ну, не за фрицев же воевать! – удивился я. – Надо к своим, там главное – связаться со школой...

– И как я это сделаю? – скорчил гримасу Олег. Словно я

хрень несу.

– Куда бы ни попал, требовать связи с представителем нашей бригады. Мы ж спецы все же, мало ли где ты был. Тебя на задание отправили...

– Которое мы не выполнили!

– Ну, шухер-то мы знатный учудили. Авиацию да, не вызвали, но сам понимаешь, не всегда идет, как планируешь.

– Короче, я не знаю, что делать! – твердо заявил Олег.

– Устав немецкий учить, а то спалишься, со своим отделением!

– Да его я наизусть помню, еще в школе ОМСБОН учил.

– Блин, Олег, – меня вдруг осенило, – ты ж, вообще-то, у нас штатный радист!

– И?

– Так тебе ж только станцию найти, сам свяжешься с кем нужно. Позывные знаешь, частоты тем более. Выкрутишься, я верю в тебя.

– А ты?

– А что я? – удивился я. – Как получу направление в фатерлянд, дорожные документы, так и свалю на хрен отсюда!

– Как добираться будешь?

– Да я сейчас как новенький буду, пешком дойду, если нужно будет. Не ссы, радист, прорвемся!

Как оказалось, я рано радовался. Нет, Олег уехал, с этим все нормально было. Уж не знаю, как там дальше, надеюсь,

выйдет к своим. У меня же черная полоса явно задержаться решила. Мне как будто небеса решили отомстить за что-то. Мои надежды и планы рухнули в один миг, когда я услышал слова:

– А кто это? – Их задала одна женщина в штатском.

Я находился в госпитале уже больше трех месяцев, сентябрь начался, когда меня вызвали к коменданту госпиталя. Я-то шел, думал, документы готовы, довольный был. У меня тут вообще дружба с немцами шла, за своего меня принимали буквально все. А что, рядовой, окопник, ранен серьезно, значит, свой в доску парень. Даже пил с ними тайком принесенный кем-то шнапс. Но особистам об этом знать не обязательно, умолчу в будущем.

Постучав в дверь на втором этаже, я толкнул ее на предложение войти. А когда вошел, сразу и радость исчезла.

– А кто это? – она стояла возле стола коменданта и смотрела на меня. Женщина не старая, лет сорок пять, довольно привлекательная. Высокая, стройная, в строгом костюме и со значком на лацкане пиджака.

– Рядовой Блюм, по вашему приказу явился! – отрапортовал я, почти не заикаясь. Комендант был спокоен до этого момента, но после слов женщины наострил уши и встал.

– Это не мой сын! – вновь подала голос женщина. Вот это я попал!

– Как, вы в этом уверены? – комендант вышел из-за стола. – Он сильно похудел, ранения никого не красят, фрау

Блюм...

– Да что же, я сына не узнаю? Он ведь не мертвый стоит здесь. Он чем-то похож, но это не Эрих!

То, что я ей незнаком, было понятно без слов. Разве так встречают собственную мать? Блин, а ведь этот Блюм, которого мы утопили в болоте, что-то говорил о матери, вспомнить бы, что именно, я тогда ни хрена не соображал... А, точно, он говорил, что она какая-то заслуженная, в смысле, член партии не из последних. Вот почему она тут. А еще потому, что я, как мудака, не стал писать ей письмо. Она-то ведь их присылала, ей сразу сообщили о ранении сына и о том, что он в госпитале. Я боялся писать, ведь она бы поняла, что пишет не сын, но никак не думал, что она сюда притащится.

– Рядовой, как вы объясните это? – очнулся, наконец, комендант.

– А что тут объяснять? – я сделал вид, что удивлен. – Мое имя Эрих Блюм, но это не моя мать.

– Но в ваших документах указано, что вы из Мюнхена, есть полный адрес... Да мы ведь и с родственниками связались по данному вами адресу! А вы еще не хотели им отвечать, – черт, припомнил сука, – теперь понятно!

– Что вы сделали с моим сыном? – тетка едва не накинулась на меня с кулаками. Боевая фрау. Я отшатнулся и хотел открыть дверь, но ствол «вальтера», направленный на меня, заставил передумать.

Фрау отошла в сторону и упала на стул, а комендант уже

куда-то звонил. Через минуту в палате были четверо солдат и главврач. Тот тоже, блин, подлил масла в огонь.

– А еще думаю, откуда у него осколочное ранение, причем, по виду, так от авиабомбы, да и все тело в шрамах, как будто он несколько раз уже был серьезно ранен. А в личном деле ничего нет...

– И вы молчали? – взревел комендант. – Впрочем, теперь с ним будут разбираться другие люди. Ефрейтор! – Один из четверки солдат вытянулся в струну. – Взять! – как собаке приказал.

И меня взяли. Случилось то, чего я так боялся с самого начала войны. Черт, боюсь пыток. Боюсь, что не выдержу и начну говорить. А сказать у меня много чего есть...

В гестапо был выходной. Ну, это я так решил, потому как меня не повели сразу на допрос, а сунули в камеру. Это была одиночка, холодная и сырая, но я теперь не тот умирающий лебедь из болота. Меня так отреставрировали, что я теперь надеялся пожить. Как быть, что делать? Извечный вопрос.

Ночь прошла быстро, я заставил себя поспать хоть немного, а то сонного завтра быстро утомят на допросе. Заявились за мной ближе к обеду. Готовились, видимо. Вопросы посыпались, как из МГ-34.

«Кто? Что? Когда и куда?» – ну и в том же духе. Отвечал спокойно, как мог.

– Рядовой Блюм. 314-й пехотный...

– Зачем ты врешь, тебя же признали самозванцем? – со

мною пока еще спокойно говорили.

— А что, воевать за фюрера преступление? — попробовал я.

— Что? — следак так удивился ответу, что было даже смешно.

— Ну, а что я сделал-то? Почему в гестапо? Я воевал, выполнял свой долг, да, загремел в госпиталь, но не по своей воле, иваны постарались...

— Кто ты такой? — повторил уже более нервно следователь. И я плюнул в сердцах. Все равно уже взяли, не отвертеться. Коси не коси, а самозванец я, тут и доказывать ничего не нужно. Шлепнут, и будут правы.

— Да обычный солдат. Красной Армии солдат, — уточнил я. Ну, а что мне, дальше скрывать? Смысл? Отхрерачат так, что буду просить пулю. Зря, что ли, восстанавливался? А так, может, еще и поживу чуток.

— Кто? — аж поперхнулся следак.

— Ну я же сказал, — пожал я плечами.

— Как, как ты здесь оказался? — следак судорожно растягивал ворот кителя.

— Ой, да это та еще история... Я был серьезно ранен, одежда пришла в негодность. Кто-то из бойцов предложил переодеть меня в форму вермахта. Это бойцы между собой говорили, я был практически все время без сознания. Очнулся, а тут солдаты вермахта. Обыскали, нашли документы этого Блюма, ну и отправили в тыл. Что, мне нужно было кричать на весь свет, что я русский? Зачем?

– Я такой наглости еще не встречал! – выдохнул следак.

– Ага, – кивнул я, – я тоже. Ну сами посудите, как мне было поступать?

– Значит, простой солдат? – вошел в роль следователь.

– Ну да, – кивнул я.

– Так могли поступить только со старшим по званию!

– Ну, я и был старший среди них. И по возрасту, и по званию. Ефрейтор я. Мы в лесу сошлись с несколькими бойцами, что также выходили из окружения, ну и...

– Ты не похож на обычного солдата, я их много видел! Ты комиссар?

– Упаси бог! – аж перекрестился я. – Какой я, на хрен, комиссар? – возмущению моему не было предела. – Да комиссара бойцы в такой ситуации просто бросили бы, а не стали бы слушаться.

– А слушались?

– Ну, на рожон не лезли, и то хлеб, – я перешел на русский, так как фриц, называя меня комиссаром, говорил на моем языке. – Сидели тихо, жрать только нечего было. Ребята сходили на промысел, добыли чуток еды и притащили форму с документами того Блюма.

– Ты все врешь!

– А зачем мне это? – я пожал плечами. Вообще, я старательно настраивал фрица говорить со мной спокойно, то есть как мне надо. Пусть забудет на время свои гестаповские замашки. – Вас смущает мое знание немецкого языка?

Или еще что? Ну, так я и не деревенский парень. Вырос в городе, получил перед самой войной неплохое образование в Москве. Когда набирали добровольцев на оборону города, пошел сам. Вся семья у меня погибла в Калуге. Ваши солдаты там серьезно порезвились.

– Ты убивал солдат вермахта? – прямо спросил фриц.

– В рукопашной не сходилась, а так, все стреляли, я тоже. Может, кого и убил. – Хлесь! Фриц перегнулся через стол и ударил меня кулаком в скулу. Не больно, силенок маловато будет. Мне после спаррингов в школе такие удары по фигу.

– Ты будешь расстрелян! – фриц собрался, застегнул ворот, расправил китель.

– Как вам будет угодно, – только и сказал я.

– Что, не боишься смерти? – ехидно так оскалился фашист.

– А чего ее бояться? Двум смертям не бывать, а одной не миновать. Все там будем.

– Ты будешь гореть в аду, как и все русские!

– После такой бойни, думаю, никто в рай не попадет, господин следователь. Передайте женщине, раз уж она тут, что ее сын погиб как солдат. Пусть знает, что он не сгинул без вести, как это бывает. Лучше уж знать правду, чем всю жизнь мучить себя догадками.

– А как он погиб? – фриц остановился. Даже, я бы сказал, заинтересовался.

– Он был в оцеплении района, где мы прятались, когда

наши бойцы пошли добывать еду. Он их увидел, застрелил одного, потом второго, ну и, – я сделал паузу, – его срезали.

– Встать, лицом к стене!

Я послушно встал.

Через пять минут меня, даже не побитого, заперли вновь в камере. Что будет, теперь меня интересовало все меньше. Вот оно как бывало на этой войне. Наверняка ведь и такие случаи происходили, всяко может быть. Что ж, я сделал что смог, значит, такая уж судьба. Валюшку с Катериной жалко, одни останутся. Я пропал, вряд ли пенсию дадут. На что жить станут? Валя, конечно, пока на службе, не пропадет, но как же ей будет тяжело одной... Эх, сказал бы, что парни помогут, так нет больше никого. Вся наша группа, так долго глумящаяся в немецких тылах, погибла на фиг. Есть, конечно, надежда, что Веревкин тогда смог выйти, да, все же есть. Я его, кстати, просил приглядеть за девчонками, авось не оставит. Если сам жив останется. Олега также пока не стоит списывать со счетов, может, еще выберется.

А наутро ко мне пришли! Да, именно ко мне, а не меня куда-то потащили. В камеру вошли давешний следак и мамаша Блюма.

– Расскажите, – ого, даже на вы, – как погиб мой сын? – Она теребила в руках белоснежный платок, и в глазах ее были слезы. А она не такая и железная, какой показалась мне при первой встрече. Вообще, женщина она статная, не отнять.

– Er starb wie ein echter Soldat!.. – произнес я на немецком и повторил для нее всю историю, рассказанную накануне следователю. Она молча слушала, затем произнесла короткое слово, в котором я с трудом расслышал:

– Danke... – а обернувшись к следователю, на выходе произнесла что-то очень тихо. Я не расслышал ее слов, но, думаю, ничего хорошего там для меня не было. А сказал я очень просто, что сын ее погиб как солдат.

В камере я пробыл еще почти сутки. Новыми лицами, вошедшими в камеру, были два дюжих фрица и следователь. Меня просто и без затей отпи...ли, ну, побили то есть. Не жестоко, скорее для порядка. Выплюнул один зуб, у меня их и так мало оставалось, так вот еще один потерял. Так как я был не измотан и сносно откормлен, то боль быстро ушла. Часа через три я уже перестал растирать ушибленные места. Фрицы, когда побили, сразу ушли. Вернулись к обеду и повели куда-то. Уже усаживая меня в кузов машины, следак бросил в мою сторону:

– Благодари фрау Блюм, иначе тебя бы уже расстреляли!

Я недоуменно хлопнул глазами и был потороплен пинком под зад.

Везли недолго, минут тридцать, может сорок. Это было где-то в окрестностях Курска, я так думаю. Лагерь, а это был именно лагерь для военнопленных, располагался в чистом поле. Колючка в несколько рядов, вышки, все как я видел не раз, но только серьезнее. Это уже не те временки, что устра-

ивали немцы в сорок первом, когда пленных было некуда девать. Здесь все было серьезно. Караул с собаками обходит периметр, часовые бдят в четыре глаза. В общем, зона. Стояли бараки, вид у них был плачевный, бои наверняка здесь проходили, стены просто прозрачные. О, кажется, я понял, это какая-то ферма была, скорее всего. Немцы только забор соорудили да вышки воткнули. А так да, скорее всего, ферма.

Интересно было, за что я должен благодарить эту фразу? Уж не за лагерь ли? Сомневаюсь, что она просила отпустить меня, может, попросила не расстреливать? Тогда да, спасибо ей огромное. Скажете, предатель? Трус и все такое? Да, согласен. А вы как бы поступили?

Оформили быстро. Так как я был довольно чистый, из госпиталя все же, то просто раздели и, швырнув мне какое-то рваньё, в котором с трудом угадывалась красноармейская форма, заставили одеться. Я все время думал об одном, почему меня не спрашивают об Олеге. Ведь наверняка есть информация, что я был не один. Или они решили, что он был не со мной? Ведь тогда нас привезли в госпиталь с еще дюжиной солдат вермахта... А, впрочем, это уже не важно. Главное, я жив, а выбраться я попробую, не думаю, что до победы тут сидеть буду.

Лагерь оказался трудовым. Но это полбеда. Здесь почти не кормили, вот в чем была тяжесть. Так-то, если разобраться, ну гоняют на работы, плевать, не привыкать. А вот то,

что после четырнадцати, а то и больше часов работы тебя еще и не кормят... Все встало на свои места, понятно, почему столько пленных не решались бежать годами. Если сразу это не сделать, потом банально нет сил. Я хоть и был пока крепким, все же немчура молодцы, подлатали хорошо, да и потом ломать не стали, но и то начал уставать.

Контингент в лагере был разный. Есть отчаянные храбрые, неунывающие, все время говорящие о том, как они станут воевать вновь. Только вот толку от слов-то нет. Работают, как и все, бежать не пытаются. А есть и такие, что тихие, ни с кем не общаются, но за неделю двое пытались «уйти». Поймали, конечно, одного. Второго убили. Кинулся на солдата, когда загнали, его и пристрелили. Неправильно кинулся, не вовремя и не в том месте.

Вообще, насколько я уже огляделся, из лагеря уйти очень сложно. Охрана приличная, а главное, собаки. Свора овчарок, злющих, аж жуть. Пулеметчики на вышках ни фиги не спят, часовые гуляют. Может, с приходом холодов что-то изменится, но пока... Нет, свалить, я думаю, можно только по пути на работы, или обратно. Водят не далеко, час туда, час обратно. Тут недалеко есть лесок, тоже с болотцем, как и тот, в котором я попался, но погуще будет. Вот и рубим его помаленьку. Видно, что начинали тут без меня с того, что делали зачистку возле путей железной дороги. Боятся немцы партизан, зачищают все. А заодно тащат весь лес к себе в Германию. И ведь надо же, выстроили такой порядок,

охранять. Казалось бы, все дороги перегружены, логистика ужасная. Но это, блин, у нас. У этих же гадов все в норме. И на фронт эшелоны идут, с оружием, техникой и солдатами, и обратно не пустые. Раненых вывозят, а заодно и все, что можно украсть и вывезти. В этой местности и так с лесом не очень хорошо, очень небольшие массивы, так и те скоро вывезут.

В бараке все спали, можно сказать, вповалку. Кто где упал, тот там и спит. Ладно хоть фрицы разрешили соломы сюда натащить, причем немало. В углу возле дверей была приличная куча. Когда я вошел и, перездоровавшись со всеми «домочадцами», сел, мне и подсказали, чтобы нагреб себе соломки. Я и нагреб. Ночами было вполне сносно, еще не зима, так что терпимо, но, думаю, уже скоро станет неудобно. Все бойцы были в одной форме. Ни нательного ни у кого, ни шинелей. Да, думаю, замерзнем мы тут. Поговорили с одним, он тут давно сидит, говорит, зимой кинут шинель. Уже лучше, хотя до зимы я тут как-то не рассчитываю задержаться.

– Слышь, Мороз! – окликнули меня. Вот же, блин, фамилия у меня, да? Везде одна и та же погребуха.

– Чего? – ответил я. Мы сидели после трудового дня и отдыхали. Немцы сегодня сухарей мешок дали, но похлебку зажали. Я сидел и старательно пытался размочить во рту сухарь, зубов-то мало. Припрятал себе пару горстей на будущее. Хотя, думаю, съем я их уже сегодня. Жрать-то хочется.

Вода еще эта... Пьем дождевую, когда сухо, немчура дает пару ведер набрать из колодца. Вчера вот лил полдня, так хоть помылись, пока шли с работы. А что? Тепло сейчас еще, а после активной работы так даже жарко. Прямо на ходу снимали с себя одежду и под дождем растирались. Хотя так, а то живность-то совсем достала. Жрут, суки, гребаные вши, надоели до жути.

– Сашка, когда побежал, видел, кто в него стрелял? – Я кивнул. – Этот у них прям чемпион. Иногда в лесу стреляют, по бутылкам, этот лучше всех. – Я вновь кивнул, показывая, что принял информацию.

Мы постоянно делимся наблюдениями, мало ли пригодится. Да, о контингенте немного. Самый старший тут старшина. Мужик из обоза санитарного батальона, взяли при отходе, у него даже оружия не было. Пятьдесят годов мужику, какой из него вояка. Весь такой уставший и больной, думаю, долго не протянет он здесь. На работы его не водят, максимум метелку дают, дорожки мести. Остальные... Да все разные. В основном пехтура, пара пушкарей была, подносчики. От восемнадцати до сорока. Старшина один такой старый был.

Все думал, заточку бы какую сделать, железки иногда попадают под ноги, можно найти, так фрицы постоянно шмонуют. Идем с работы, выстроят, и полный шмон. Не пронести ничего. Насчет оружия была идеяка, пока наблюдаю и делаю выводы. Главное, заставить себя немного потерпеть.

Хоть и понимаю, что валить надо, пока есть силы, но наобум тоже идти неправильно.

В конце сентября я предпринял первую попытку. Дурак! Решил все же свалить по пути, не вышло...

Бежалось довольно легко, прыти было хоть отбавляй, прибавляло сил чувство близкой свободы. Но собачки оказались быстрее. Все бы ничего, если бы одна, но фрицы пустили двух. Итог печален. Пробежал я метров триста, уже на входе в лес меня нагнала собака. Как и говорил, была бы одна... Били меня немцы за порванную собаку долго. Суки, всерьез так воспитывали. Мелькнуло даже, лучше бы пристрелили. Да-да, собачку я их порвал. Просто, когда она кинулась, я успел подставить руку, левую, а когда псина вцепилась, правой со все дури дал ей в нос. Как собачка заскулила... Но я не дал ей мучиться, быстро взялся за челюсти, она в это время терла больное место, и рванул. Скулеж быстро кончился, силы у меня хватило такое сделать. Но я не успел среагировать на вторую псину. Та впилась в ногу так, что я взвыл и упал. А когда пинками свободной ноги удалось, наконец, освободиться, собака-то не железная, да и попал ей, видимо, удачно куда-то в морду, мне в грудь прилетел затыльник приклада.

«Догнали...» – мелькнуло в голове, но я не вырубился.

Месили знатно. Я проклинал себя за такую тупую попытку. Теперь за мной будет усилен надзор, если не забьют.

– Уй, суки! – провыл я. Попали в пах, и я, наконец, отключился. Сколько охрана еще так развлекалась, не знаю, но

очнулся, когда меня тащили другие пленные по дороге в лагерь. Странно, что не грохнули, очень странно. Я понял одно, что в следующий раз такого уже не будет.

В лагере меня не оставили в покое и потащили к начальнику. Это была та еще сука. Жирный ублюдок, в очках, с усиками этими дебильными под фюрера, издевался как мог. Он попросил четырех охранников поддержать меня и затушил мне об щеку сигарету. Было очень больно. Ощущения, как от пули, только там быстро эта начальная боль уходит, меняясь на ту, что начинается внутри тела, а тут... Ожоги – это очень больно и страшно. Ревел я так, что, казалось, готов руки себе вырвать, чтобы освободиться от захвата. Но держали очень крепко.

После нескольких пинков, один из которых заставил меня крутиться и ползать по полу кабинета начальника, был особенно болючим. Мне второй раз за день прилетело между ног. Как это больно... Не передать. Мне и после того, как очнулся, уже казалось, что там все опухло, а уж теперь...

– Я все понял, господин начальник, я все понял! – заорал я, не выдержав. В голове так и стучало, я больше так не поступлю. Так не поступлю. Я сделаю все умнее!

Отлежаться почти не дали. Спасло немного то, что между ног все и правда опухло, думал, писец, больше у меня яиц нет, но пощадил все же. Три дня не трогали, и то хлеб. Ребята поделились хавкой, а то тем, кто не работал, вообще почти не дают. Через три дня опухоль не спала, но боль приту-

пилаась, стало легче, и меня выгнали на работу. В лес больше не водили, всучили метлу, и целый день мел дорожки, больше создавая видимость работы. Надо же было показать, как мне плохо.

Еще через неделю меня вызвали к начальнику, где тот подробно объяснил, почему меня не пристрелили.

– Ты поступил очень нагло, когда воспользовался нашим госпиталем. Нас попросили продлить тебе мучения перед тем, как ты сдохнешь, только поэтому ты еще жив, – а я-то думал, фрау попросила из жалости, а тут... Да они, наоборот, считали, что лагерь причинит больше вреда, это значит, хотели, чтобы я помучался. Ну что ж, ладно!

На дворе конец октября, погода пока радует, дождей мало, но уже заметно менее приятно находиться постоянно на воздухе. Ушибы прошли, немного болели рука и нога, которую покусала собака, но благо порвать та ничего не успела, просто вцепилась, прокусив, так что небольшая хромота да чешется постоянно, но не болит. Каждый день делал примочки мочой, оторвал все карманы на форме и прикладывал. На вонь в бараке никто не жаловался, здесь вообще такой дух стоит, что хоть стой, хоть падай. Я еще в самом начале думал, чего дырки в крыше не заделывают, а потом дошло. Задохнемся на фиг.

Буча, что я поднял, немного улеглась, я вновь хожу со всеми на лесозаготовки. Этому помог еще и случай побега од-

ного бойца, вот от меня пока и отцепились.

За то время, что я тут, ни разу не было нападения партизан. А я, надо признаться, на это всерьез рассчитывал. Все же, раз делают просеки возле железки, значит, бывали случаи? Но так и не дождавшись, решил все же попробовать уйти сам, во второй раз. Нужно торопиться, а то скоро снегу навалит, и будет уже труднее что-либо сделать. Вот и готовился. Сейчас как раз делаю последние приготовления. Приметил местечко, где попытаюсь «соскочить», уж больно удобное. Метров сто от железной дороги, еще не лес, но уже прилично густой подлесок. Охраны в зоне досягаемости, три солдата с винтовками. Стрелять немцы умеют хорошо, успел убедиться. Как раз неделю назад именно тут парнишка «сорвался», но поступил неправильно. Без оружия не свалить, это точно. Немец положил его одним выстрелом, буквально через двадцать секунд. Нет, я буду делать по-другому. Во-первых, нужно оружие, а оно, я думаю, у меня будет. А во-вторых... А во-вторых, я устрою панику, ломанусь я не один, тогда и будет шанс. Вообще, нашу бригаду из двадцати пяти человек охраняют восемь солдат. Есть еще мотоцикл, ага, на нем пулемет. Но он всегда остается возле насыпи, к лесу ему не проехать, а стрелять оттуда он может сколько угодно, трудно будет пулеметчику. Я в этом убедился, когда тот паренек сиганул. Пулеметчик даже не начал стрелять, ему оттуда банально неудобно это делать.

Почему я решил бежать в том же месте, где уже была по-

пытка? Думаю, что немчура этого не ждет. Они после того побега даже как-то расслабились. Бить перестали, почти не орут. Раньше постоянно прилетало. То прикладом, а то и просто ногой дадут под зад, пока бревно поднимаешь. Молодняк здесь, даже удивительно, что держат таких на охране пленных, а не на фронте.

Рабочий день приближался к концу, фрицы все больше курили и болтали. Я сегодня был на обрубке сучков, поэтому вооружен маленьким топориком. Ну, а как немцам лес валить, руками? Да, они выдали некий шанцевый инструмент, но сами стараются держаться на таком расстоянии, чтобы успеть вскинуть винтовку. Немного нервничал, фриц, что должен был сыграть главную скрипку в моей партии, заболтался со своим коллегой и стоял далековато. А мне нужно, чтобы он был почти рядом. Говорю же, без оружия я не пойду. А вы думали, что это я о топорике? Зря...

Наконец этот сраный Вилли, что был мне нужен, оторвался от разговора и решил сделать обход. Они всегда так гуляют, подгоняя нас. Ну, я был готов. Была, не дала!

– Н-на! – Топорик, пролетев три метра, вошел точно лезвием в спину немца. Вскрикнул я для того, чтобы привлечь внимание других заключенных. Ох, как я переживал на этот счет. Чего-чего, а с топором я почти не умел обращаться, как с оружием, я имею в виду. В школе ОМСБОН учили, но не преуспел. Лопатка была чуть лучше, нож вообще хорошо, а вот топор... Редко когда удавалось воткнуть хорошо, так,

чтобы наверняка. Вот, помню, Бортник швырял... Эх, жаль парня. Борт кидал на силу, у него ее было как у быка, он мог попасть и обухом, но гарантированно упокоить противника.

Фриц еще не успел полностью осесть на землю, как я был возле него и в одно мгновение освободил его от оружия. Раньше я видел, что, стреляя, фрицы не дергали затвор, значит, патрон должен быть в патроннике, поэтому присел на колени, поймал ближайшего ко мне немца на мушку. Тот уже вскинул винтарь, но упал с простреленной грудью. Здесь, на насыпи, немцы находились в линию, поэтому третий, что был также рядом, не мог выстрелить, не зацепив своего же. А вот когда тот осел на землю, третьему уже летела следующая пуля.

– Да хватайте вы стволы, идиоты! – заорал я на пленных, которые, надо признаться, разочаровали меня. Никто никуда не кинулся, а я так на них рассчитывал!

Я плюхнулся на насыпь, прикрываясь трупом первого убитого мной немца, и вовремя. Охрана начала стрелять, орали-то они давно. Что удивило, собак пока не спускали, видимо, жалко стало, я ж с оружием. Отсюда мне было хорошо видно мотоцикл, пулеметчик все пытался выцелить меня, возможно, фрицы пока не хотели убивать всех пленных, оттого и не начали шмалять куда попало.

Я же тем временем потратил несколько секунд на то, чтобы освободить немецкие подсумки от патронов. В винтовке оставалось всего два, так что...

Я едва успел затолкать недостающие в приемник и захлопнуть затвор, как фрицы решились. Это они увидели, как пленные схватились за оружие. Пулемет застучал, точно, блин, швейная машинка. А я ловил его на мушку. Ракурс оказался неудобен и для меня самого. Я видел только вспышки выстрелов, пули уже ложились рядом, когда я, наконец, смекнул. Коляска-то не бронирована, какого хрена я думаю? Выстрел, второй, блин, третий! Но пулемет заткнулся.

– Ты идиот, Мороз! – услышал я слева и мельком взглянул туда. Рядом со мной упал мужик средних лет, о, это, блин, хороший мужик. Упал он не просто так, а направляя немецкую винтовку в сторону охраны. Те всю стреляли, я даже видел, как кто-то из пленных падал, как сломанная кукла, даже без крика.

– Степаныч, позже меня обматеришь! – прокричал я и, вновь загнав три патрона, начал стрелять.

Степаныч поддержал, а через несколько секунд и третья винтовка заговорила. Я вдруг вспомнил о собачках, но оказалось, их уже кто-то положил. Мужики понятливые, знают, на что те псинки способны, вот и постарались.

– Все! – встал я, осматривая округу. Немцы были убиты, сам застрелил минимум троих, а то и четверых.

– Один убег, – крикнул кто-то из мужиков. Там двое устремились к немцам за оружием, вот и увидели, значит.

– Ну так стреляйте! – крикнул я в ответ. Мне отсюда было не видно, что там происходит. Пришлось бежать к ним, но

справились ребята без меня.

— Мороз, ты придурок! — вновь начал меня песочить Степаныч. Мужик он интересный, думаю, врет засранец, что рядовой. Умный не по званию, смеюсь. Лет ему тридцать пять, тридцать шесть. Крепкий, невысокий, лысый в ноль. Большой нос, карие глаза странно намекают на известную нацию, но, блин, светлые волосы говорят об обратном. Умный он, я повторюсь, наблюдаю за ним с самого начала. Просто он, как и я сам, постоянно задумчив, рассматривает все внимательно, словом, подготовка видна, не скроешь.

— Да что ж ты меня все чихвостишь? — выругался я, набивая немецкий ранец патронами. Точнее, в коляске был цинк с лентами, вот их я себе и прибрал. Три короткие, на пятьдесят патронов, ленты весят уже немало. Да и нас много, всем нужны боеприпасы. Пулемет я брать не стал, штука классная, не спорю, да вот только таскать его на себе по лесам и болотам, ну его на хрен. Тем более, нашелся один крепыш, пулеметчиком воевал, он его и прибрал.

— А предупредить нельзя было? — Степаныч подошел ко мне и, кажется, хотел ударить.

— Тебе-то что? — спросил я в ответ. — Я не собирался здесь жить до конца войны, да и не доживу я. Вы как партизаны, все молчите, вот и я молчал. Ладно, разбирайте, кто что хочет, и расходимся.

— Как это расходимся? — не поняли парни, что стояли ближе всего.

– Да так. Я – знаю, куда идти. Согласны следовать за мной? Пошли вместе, нет – выбирайтесь сами.

– Мороз, я был командиром взвода, пограничник... – начал Степаныч. Понятно, энкавэдэшник, блин, сейчас будет пытаться построить. Тем временем мы уже полностью обо-брали фрицев и устремились к лесу. Точнее, заходили все глубже. – Лейтенант Кривошеин. Думаю, вы все обязаны подчиняться старшему по званию. Это в плену я никто, как и вы, а тут...

– Старший лейтенант Морозов, – просто бросил я в ответ, пришлось раскрыть свое инкогнито, а то ведь этот по-гранец начнет строить и требовать идти за ним. А мне это надо? Как я уже обмолвился, я знаю, куда идти, чтобы быстрее выйти к линии фронта, да и безопаснее там, потому как любимые мной леса полностью не перекроешь. – Командир группы диверсантов отдельного мотострелкового батальона специального назначения. – Это так, чтобы звучало внушительнее. Пусть подумают на досуге. Степаныч сделал удивленные глаза, но взял себя в руки.

– Куда идти-то? – спросил он, уже не глядя так грозно и властно.

– Степаныч, я же сказал, расходимся! – бросил я. Ну блин, я хотел один идти. Теперь что, всех тащить? Нас тут двадцать рыл, пятерых немцы застрелили. Семь человек ранены, во-оружены всего восемь из всей группы. Кстати, все до единого последовали моему примеру и, раздев фрицев, переоделись

в их одежду. Форма того фрица, что я выбрал для себя, была самая неповрежденная. Я ему в грудь попал, прострелил на-вылет. На спине пятно было больше, спереди вообще почти чисто, а вот сзади пришлось в луже, уже в лесу, застирывать и надевать сырую.

– Это неправильно, товарищ командир, вы несете ответственность за бойцов... – продолжил Степаныч.

– Я уже всю свою ответственность прое... – рывкнул я, – у меня вся группа погибла под Воронежем. Все, я больше ни за кого не хочу отвечать, хватит. Если ты считаешь нужным так поступить, то вперед, командуй, но не мной. Я уйду. Данные у тебя мои есть, выйдешь, можешь жаловаться!

– Скажешь тоже, жаловаться! – вскинулся Степаныч. – Чего, с дуба рухнул? Мы все в жопе были, я так же весь свой взвод потерял, что теперь, плакать?

– Давайте вы уже решите, куда и кому идти, а? – я и не заметил, пока застирывал китель, что все бойцы рядом и слушают нашу перебранку.

– А-а-а, – выдохнул я. Ну почему я не мог делать то, что хочу, а? – Хрен с вами, идем вместе. – Бойцы, кажется, даже заулыбались. Ну, я сейчас остужу быстро. – Форму привести в порядок – немецкую, разумеется. Проверить оружие, подвести итоги, сколько и чего кто надыбал. Пулеметчик?

– Я, товарищ старший лейтенант! – отозвался парнишка с МГ.

– Еще хоть раз кто по званию назовет, дам в зубы, ясно? –

спросил я серьезно.

– Так точно! – ответ был стройным, но тихим. Понимают и не орут, уже хорошо.

– Обращаться, как и раньше – МОРОЗ. Иди сюда, как тебя звать-то, позабыл я.

– Рядовой Анютин, пятьдесят...

– Да вы будете до завтра ваши полки перечислять. Отставить! Анютин, имя есть?

– Василий...

– Слушай меня, Вася. Ты патроны россыпью взял?

– Одна лента заряжена в пулемет, одна запасная. Патроны в ранце россыпью. Количество неизвестно, не считал...

– Высыпай их мне. Я тебе ленты отдам. У меня три штуки. Далее, у кого что?

Выяснилось, что из оружия у нас были шесть винтовок Маузера, один пистолет-пулемет МП-40, пулемет МГ-34 и два пистолета. Также были гранаты, двенадцать штук, шесть штык-ножей, два перочинных, небольшая кучка патронов, да, в общем-то, и все. Также присутствовала кое-какая провизия, немцы с собой брали, даже костер всегда разводили, чтобы подогреть. Несколько банок с тушенкой и сосисками, сухари, хлеб, три куска сала, лук и огурцы. Был шнапс, воды немного, сахар и чай в пачке. Котелки, как оказалось, были во всех ранцах. А их было столько же, сколько и немцев. Лишь мотоциклист оказался запасливым. У него жратвы было больше всех. Может, это ему все остальные сдавали для

того, чтобы не таскать с собой? Там из коляски много чего вытряхнули. Также был плащ мотоциклиста, накидки на случай дождя у всех остальных немцев. В общем, хорошо мы их тряхнули. Кто-то из парней даже в пустую бутылку из-под вина бензину нацедил. На мой вопрос «на хрена» ответил, что костер разводить из сырых веток пригодится.

Но самая главная находка была также в коляске мотоцикла. Это была небольшая, по нашим меркам, человек на десять, армейская палатка. Убей не знаю, зачем ее фрицы таскали в мотике. Может, стырили сами где-нибудь, да так и таскали? Ну и ладно, нам же лучше.

– Карты, жаль, нет... – проговорил Степаныч через два часа нашего похода по лесу.

– Это да, – согласился я, – было бы легче.

Все устали очень быстро, я первый предложил привал. Все-таки мы работали весь день, хоть и несильно стараясь. По-другому не выходило, фрицы были более расслаблены именно под вечер, да и близость ночи нам сыграла на руку. Вон, пока никакого преследования. А может, его и не будет. Ребята рассказывали, что если кто-то убегал и его сразу не ловили, то потом никаких специальных поисковых партий не посылали. Может, конечно, у немцев есть специальные команды для этого, да и странно было бы, если бы охрану лагеря снимали для поиска беглецов. Но, думаю, по крайней мере самолетов не будет. Вряд ли. Все же не такие мы нужные

люди, да и самолетов у фрицев сейчас не как в сорок первом.

Возникла было идея остаться в тылу у немцев и начать партизанить, но отклика у других бойцов я не нашел, а в одиночку оставаться не было смысла.

Отдохнув ночью около трех часов, выдвинулись дальше. Леса здесь плохонькие, но уже лучше, чем под Воронежем. К утру вышли к полю и рванули назад в лес. Впереди была голая местность, но главное, мы увидели дорогу, по которой двигалась колонна фашистов. Большая, только танков около тридцати. Куда это они? На большие расстояния фрицы танки поездами-эшелонами везут, значит, просто перебрасывают куда-то для удара. Что у нас тут? Если я не сбился с пути, то впереди, на северо-востоке, Ливны. Орел почти за спиной, это с него, наверное, идет колонна.

Хоть и опасно было, но решили следовать пока по кромке леса, с целью проследить за колонной. Через пару километров вынуждены были оставить эту затею, лес кончился. В небе то и дело появлялись самолеты, вылезать нам вообще было никак. Решили ждать ночи и на рывок пересечь огромное пустое пространство. На горизонте виднелся лесной массив, но рассмотреть было сложно, слишком далеко.

– Куда они ехали, как думаешь? – тихо спросил подошедший ко мне Степаныч.

– Да откуда я знаю? – удивился я. – Мало ли. Но точно не по нашу душу, слишком много их.

– Полк минимум. Я вот думаю, наверняка где-то встали

на ночь, возможно, и неподалеку.

– Ты к чему это? – не понял я.

– Может, сходить, разведать?

– И что, вызовешь авиацию? – усмехнулся я. – Посмотреть, конечно, можно, да толку-то?

– Нашим потом передать, вдруг важное направление?

– Все бы ничего, да только мы до наших можем неделями добираться, как думаешь, нужны им будут такие сведения? – Пограничник скривился, а я добавил: – Вот и я так думаю. Да и не проследишь скрытно, опасно. Нам сейчас только здесь попасться не хватало. Не наша это забота, Степаныч, но в голове держать надо. Хреново то, что мы сами не знаем, где мы, к месту не привязаться.

Ночью, собрав все силы в кулак, раненые здорово связывали, мы рванули напрямик через огромное поле. Из-за перепада высот было не видно, какое оно, а оно, блин... Километра четыре точно, это так, приблизительно. Не пробежав и до середины, устали как собаки, да и раненые измучились.

– Как хотите, но здесь нам оставаться точно нельзя, – выдохнул я.

– Мы сможем, командир, – ответил за всех один из наших раненых бойцов. Он был, кажется, тяжелее всех ранен, в ногу. Ему помогали все по очереди, что ж делать-то, не бросать же людей!

– Дойдем как-нибудь, – заключил я, – все же осталось меньше, чем было. Время есть, разве что поедет кто.

– Чего, они по полю, что ли, поедут? – удивился Степаныч.

– Зачем? Тут дорога идет, я отсюда вижу, вон, внизу, – я указал рукой на темную ленту дороги. Луна светит вовсю, вот и видно.

– Да ну, не разглядят. Темно же, даже и с луной.

И правда, отойдя чуть позже на сотню метров от бойцов, я их не увидел. Это хорошо. Правда, я их все же обнаружил, гремят так, как будто Т-34 едет, гремя своими гусями. Вернулся и приказал всем подтянуться и переложить вещи. На этом также потеряли немного времени. Но так или иначе, а поле мы успели пресечь до того, как начнет светать. Правда, появилась еще одна проблема. Между нами и лесом, причем на вид серьезным, текла река. Не очень широкая, но от этого она не становилась лужей.

– Как быть, даже плот собрать не из чего? – спохватился пограничник Степаныч.

– У нас выбор есть? – хмыкнул зло я. – Плыть надо...

– Товарищ командир, я плавать не умею... – тут же тоскливо заметил кто-то, а за ним повторили еще несколько человек. Мы стояли все в куче, поэтому в диалоге участвовали все.

– Ребят, значит, будете стараться не мешать вас тянуть! Как так, взрослые мужики и плавать не умеют? – я, блин, был зол и растерян.

– Одному со сбруей не вытянуть, – заметил Степаныч.

— Давай так... — я высказал то, что придумал.

В воду заходили втроем. Двое по сторонам не умеющего плавать брали за одежду. Неумеха к тому же и сам цеплялся со всей дури за пловцов. Распределились как смогли, те, кто был без ноши, тащили оружие. Тяжко будет, река еще и течение имеет неслабое.

Вода для конца октября была уже очень холодной, градусов десять-двенадцать, наверное, вряд ли больше. Погода стоит хоть и сухая, но холодная. Поэтому было страшно вдвойне. Мне, как командиру, разрешили плыть одному, но я взял у пулеметчика его оружие. Совместно со своей винтовкой груз оказался пипец какой тяжелый. Тут даже речи не было о том, чтобы не замочить. Вылезем на тот берег, почистим. Надеюсь, патроны не отсыреют. Я сложил свои на всякий случай в немецкую каску, а ее в тюк с формой. Пулемет привязал на спину, была веревка небольшая, разделил с другими. Ох, ну и неудобно же...

Дно оказалось очень илистым, засасывало знатно, да и ноги сводило. Идти до глубины не решился, а, присев, опустился и поплыл. Тянуло вниз сильно, сначала даже захлебнулся. То есть хлебнул воды и окунулся с головой. Но ничего. А вот другие ребята, увидев мои старания, начали гундеть. Не умеющие плавать стали причитать, что утонут, да еще и других за собой утянут. Короче, дал транды прямо из воды, не поворачиваясь к ним. Обматерил хорошо, крепко. Выплыл я метрах в двухстах от места захода в воду. Снесло несильно,

но все же и немало. Посмотрел назад и, увидев, что делалось в воде, решительно скинул все с себя и вернулся в воду. Пришлось, правда, пробежать по берегу выше, чтобы вынесло как раз на ребят. Вовремя. Парни выбивались из сил, таща раненых и тех, что висели как камни.

– Как хотите, товарищи, – резко буркнул я, – если еще будет преграда, сами поплывете! Как хотите, ясно?

Переpravлялись мы весь остаток ночи и даже тогда, когда уже взошло солнце. Часы у меня были, сняли с фрицев пять штук, так что видел, во сколько закончили. Десять утра было. А в одиннадцать, когда мы уже убрались в лес, до него еще было с полкилометра, услышали гул в небе.

Самолеты были немецкими. Кресты отчетливо видно, хоть и высоко шли. Было их немного, тяжелые бомберы, не «штуки». Значит, куда-то далеко пошли. Переждали не двигаясь, хоть кроны деревьев и скрывали нас, да и вряд ли немцы с такой высоты разглядят что-то, но все же лучше было переждать. Лес уже был почти голым, так сказать, листва еще держалась, золотая, красивая, но ее уже мало. Конечно, октябрь кончается, скоро уже и снегу навалит, вот тогда станет тяжело. Развели костер и начали сушку, а то так и топали мокрые насквозь. Еще заболеть не хватало. К ужину мы преодолели несколько километров, по лесу это делать тяжело, бугры, лесные озера, болотца, все это не способствовало быстрому перемещению. Небо затянули тучи, вот-вот пойдет, а мы в тощих фрицевских шинелях, да и то не все. Шинели

отдали раненым, хоть они и возмущались, зато получилось одеть почти всех. Восемь человек в форме, восемь в шинелях, еще у пары бойцов были плащи мотоциклистов. Да, у немецких мотоциклистов были и плащи, и шинели. Решили, пока не начался дождь, немного отдохнуть и поесть. Съели все, что было в заначке после ограбления немцев. Больше взять негде, придется выкручиваться. Тихого оружия нет, попробуем силки поставить. Пару раз бойцы зайцев видели, может, поймаем.

К вечеру чуть не спалились на фиг. А дело в том, что пришлось стрелять. Аж три выстрела потратили на лося, когда тот выперся прямо на нас. Мы отдыхали в очередной раз, все же раненые у нас быстро уставали, да и остальные не железные. Лосяра, здоровый гад, вышел и, пофыркав, попер прямо на одного из бойцов. Едва не засадил того рогами, когда еще один парень, вооруженный винтовкой, выстрелил в первый раз. Эта лесная корова как заорет! И ходу от нас. Ну, мы же не могли упускать такую возможность, да и подранок он уже, нехорошо. Двумя выстрелами его все же успели положить прежде, чем он сбежал бы от нас. Эти твари носятся по лесу как по дороге, все им нипочём. Мослы длинные, перепрыгивают через завалы и буераки только дай. Резали и потрошили долго. Оказывается, никто этого делать не умел, кроме одного из бойцов. А он был ранен, вот и мучился в одиночку. Я да еще один боец ему помогали, ворочая тушу. Уже ночью, в темноте, наконец зажарили один окорок и, ис-

пользовав всю соль, что имелась, съели. Часть из нас повадилась спать, а те, кто остался в дозоре, должны были закоптить еще мяса на дорогу. Утром оказалось, что мяса у нас много, но жрать его без соли тяжело. Сладкое какое-то, да и жесткое. Это, наверное, мы еще не совсем оголодали. То ли еще будет.

Выстрелы, да и запахи в лесу никого, слава богу, не привлекли. Утром мы спокойно продолжили путь, по лесу ночью идти очень тяжело, не видно вообще ни фига. Лес, как я говорил, был серьезным, так что не боялись быть увиденными.

Только на третьи сутки мы оказались на какой-то проплешине в лесу. Видимо, ураган когда-то был, деревья навалены в огромные кучи, видно, что не вчера, возможно, даже еще в прошлом году, уж больно сухими были деревья. Время было обеденное, поэтому оставил всех ждать, а сам с пограничником двинули дальше. Дело в том, что увидели просвет. Так и оказалось позже, даже более того. Мы вышли почти к деревне, что стояла на окраине леса в километре от нас.

– Как думаешь, есть немцы? – тихо спросил Степаныч.

– Вот пойду вечером и посмотрю, – так же тихо ответил я.

– Вместе сходим, – заключил погранец.

Мы не стали даже возвращаться к нашим бойцам, а устроились прямо на окраине, забравшись на поваленное дерево, что застряло верхушкой на другом и представляло собой хороший такой наблюдательный пункт.

Начинало темнеть, но ничего особенного мы в деревне не видели. Нет, не так. Вообще ничего не видели. Ни немцев, ни местных жителей.

– Что-то у меня гадкое предчувствие... – обронил я.

– Думаешь, пустая деревня? – пограничник не отрывал взгляда от домиков.

– Да хрен знает, надо смотреть.

Итог ясен. Поперлись. Деревня и правда оказалась пустой, вообще. Думали, может, что пожрать найдем да обстановку узнаем, а тут никого. А чуть позже все дружно матерились. Кто-то из ребят, обходя округу, дошел до околицы. Там, в небольшой ямке, лежали бывшие жители этой деревеньки. Эх, сколько я такого уже повидал... А все равно избавился от остатков пищи. Люди, расстрелянные немцами, лежали впопалку уже не первый день. Вонь стояла такая... Отправили со Степанычем нескольких парней по домам, найти огородный инвентарь.

Работа спорилась, к одиннадцати вечера мы закончили закапывать трупы местных жителей. Конечно, не размещали всех в отдельных могилах, но хоть так, все упокоены.

– Да что же они творят-то, старлей? – сплюнул пограничник, когда мы закончили.

– Возможно, где-то рядом партизаны орудуют, вот людей и наказали за сотрудничество, – выдал я. Скорее всего, так и было.

Задерживаться не стали, решили уходить дальше в лес,

видневшийся неподалеку. Кстати, в домах нашли кое-какие тряпки и перевязали заново наших раненых. Один уж больно плох, сначала храбрился, говоря, что у него царапина. У парня пуля где-то в животе, ранение слепое, черт его знает, что кусочек железа мог сделать внутри. Мы бойца несем по очереди, но ему больно от любой тряски, скорее всего, не донесем. Остальные побитые, крепились, но шли сами. Даже один мужичок, что в ногу ранен был. Он себе еще на первом привале соорудил костыль, используя сосновый сук. Подобрал такую рогатину и приспособил для нужд. Нормально так ходит, но тоже ему нужно скорее к врачу, не потерять бы ногу.

Ночью идти, как и ранее, не стали. Зашли в лес поглубже, поклевали уже надоевшего сухого лосиного мяса, осталось чуть-чуть всего, мы не всю тушу зажарили, да улеглись спать. Под утро пошел довольно холодный и противный дождь, пришлось в спешке рубить ветки, лапник и устраивать шалаш. Получилось хорошо. Мы использовали поваленное дерево как опору, на него набросали прутьев и веток, уложили немецкую палатку, а сверху укрыли лапником. Навалили густо, несмотря на то что все в лесу было уже сырым, внутри нас не мочило. Я выкопал небольшую ямку и развел костерок. Мы в настолько глухом лесу, что никто нас здесь никогда не увидит, бояться нечего. Когда наш навес просох окончательно, с лапника перестало течь, а потом и капать, стали раздеваться и сушить одежду. Да уж, можно

сказать, баню соорудили, только воды не хватает. Хотя вон ее снаружи, хоть залейся! Так и поступил, и другим пример показал. Взял отличное домотканое полотенце, что в деревне прихватили, и вылез наружу. Положил его на плечи и стал ждать. Намок быстро, минут через пять я уже энергично растирал тело, понимая, что могу замерзнуть. Быстро проведя эту процедуру, забрался внутрь, передав полотенце кому-то из бойцов, уж больно удобно его использовать вместо мочалки.

Разомлели в тепле так, что на утро решили никуда не идти, тем более дождь так и шел. Не хотелось мокнуть, только все высохли. Среди нас был один мужик неопределенного возраста, сходяв куда-то, притащил двух зайцев. После расспроса выяснили, что тот умеет ставить силки, вот и умудрился поймать ушастых, несмотря на дождь. Как он их выманил из норы? Не понимаю. Впрочем, было наплевать. Разделал тот их там же, где поймал, а когда принес, тщательно промыл. Я долго ругался на него за то, что он не участвовал в разделке лося. Тот обрехался, говоря, что был не в себе, а я успокоился.

Подставляли немецкие котелки под кончики еловых лап, по ним медленно, но верно мы набирали дождевую воду. Хоть собрать удалось и немного, но отдали ее повару. Да-да, мужик еще и готовить сам взялся. Едва дождавшись, когда вновь накапает достаточно воды, он поставил их на огонь. Просто решили, что уже наелись сухого мяса, как бы заво-

рот кишок не случился, поэтому мужик варил похлебку. Насобирал в округе каких-то сухих листиков, чернику я распознал, как и бруснику, да и поставил варить. После деревни у нас оказался приличный запас соли, а кто-то еще и более запасливым оказался. Мужики нашли остатки крупы в одной хате, так-то в деревне как Мамай прошел, ничего не было, но ищущий да обрящет! И крупа была, и соль, даже несколько луковиц и головок чеснока, жаль, солений никаких не нашлось, обыскиали все подполья, ничего. Но и это было царской пищей. Через час с небольшим все валялись кверху пузом и радовались ужину. Столько времени не видели горячей пищи, точнее, именно бульона. Надеюсь, на этакый аромат не выйдет какой-нибудь мишка...

Дождь лил сутки, бесконечно лежать тоже надоело, поэтому, даже не сговариваясь, собирались в путь. Да, была и еще одна причина. Тяжелораненый боец скончался. Он перед этим съел несколько ложек бульона, поблагодарил всех, а через пару часов «ушел» навсегда. Бойцы с горечью смотрели на застывшее в спокойной позе тело, прикрыли глаза мертвому, и, наверное, каждый в этот момент мечтал об одном, чтобы его такая судьба обошла стороной. Ведь этого бойца никто и никогда не найдет. Его могила сровняется с землей уже к весне, и все, считай и не было никогда такого человека. А сколько их, таких бедолаг, по лесам и полям лежит с сорок первого...

Похоронив его, уже ставшего другом, отряд выдвинулся

в путь. Лес был очень заросшим, хорошо хоть травы почти уже нет, вся черная и лежит давно, а то она так ноги вяжет, что идти бывает невозможно. Спасало еще и то, что все же осень уже поздняя на дворе. Растительность если и есть, то сильно прибитая дождем и почерневшая.

Поход выматывал и отнимал силы. Лес оказался еще и прилично захламленным. Наткнулись аж на три самолета. Два наших истребителя лежали, скорее всего, с прошлого года, так как выросли прилично. Третий был немецким бомбовозом, а вот он был свеженьким. Его мы нашли по огромной поляне в лесу. Издали разглядели большой просвет и вышли к нему. Оказалось, кучу деревьев повалил именно бомбер.

Самолет был подбит, именно так. Он не взорвался ни в воздухе, ни на земле. С трудом оторвали дверцу и внутри обнаружили совсем свежие трупы немецких летунов. Те, что находились в носу, в кабине, были просто раздавлены в лепешку. Самолет и деревья сбивал, да и в землю воткнулся носом. Даже не понятно, сколько там было членов экипажа. На местах стрелков нашли двоих. Одного, видимо, очередь авиационного пулемета достали, а второй, скорее всего, поломан при посадке. Обыскивали весь самолет от носа до хвоста. Забрали все, что могли, к сожалению, пулеметами было не воспользоваться, в хлам испорчены. Зато личное оружие забрали. Правда, у летунов патронов к нему было мало, всего по магазину в пистолете да по одному запасному на брата. Негусто. Нашли почти не пострадавший паек. А там и шо-

колад, и орехи какие-то в пакете. Галеты и шнапс во фляжках стали приятным бонусом. Также забрали с немчуры документы и награды. Один, тот, что был в кабине, скорее всего командир экипажа, был в звании гауптмана. Неслабо так. У него я, кстати, фляжку с коньяком отжал, вкусный, собака.

Немцев здесь встретить мы не боялись. Самолет хоть и упал не так давно, но все же лежит здесь уже какое-то время, не вчера упал. Следов, что кто-то к нему подходил, мы не обнаружили, да и заперт был самолет-то. Трупы внутри, следов нет, только противный запах стоит теперь и возле самолета, дверь-то мы сломали.

Уходили впопыхах. Если бы мы, как дураки, не полезли бы сразу внутрь, а осмотрели самолет, может, убежали бы раньше. Дело в том, что в отсеке для бомб мы нашли то, что эта падла притащила на нашу землю. А точнее – кучу бомб. Как эта лайба не взорвалась при падении, уму непостижимо. По смыслу, на его месте должна была быть большая воронка, а тут почти целый самолет.

Как только один из бойцов обнаружил смертоносное хозяйство, мы поспешили свалить. По направлению падения посчитали, откуда он вылетел. Выходило, что шли мы немного в другую сторону. А может, это компас на щитке наврал нам такое положение.

Перекусив в паре сотен метров от туши бомбера, пошли дальше. Скука, простое хождение по лесам начало сказываться на бойцах. Некоторые стали шептаться о том, что мы

сами не знаем, куда идем. Нельзя солдату давать свободное время, нельзя. Спать сегодня устроились засветло, так как собирались идти ночью, но проснулись почти сразу от грохота и вони. Сильно тянуло гарью, вдвоем с погранцом Степанычем дернули на шум, а спустя всего час мы оказались на окраине леса. Самое хреновое в этом было то, что мы оказались практически возле деревни, да еще и с немцами, квартирующими в ней. Точнее, квартировавшими тут ранее. Сейчас, в темноте тут стоял аврал. Даже думать долго не пришлось, чтобы понять, тут порезвились наши летуны. Что тут за часть стояла у фрицев, пока не понятно, вроде как стволы большие виднеются, валяющиеся раскуроченными. Выходит, наши летуны артиллеристов накрыли, скорее всего гаубичные позиции. Так, это уже хорошо. Или тут где-то поблизости партизаны прячутся, или разведка. Уж больно точно летуны разнесли в темноте эту часть. Фрицы бегают как наскипидаренные, пытаются что-то тушить, хотя и так ясно, амба им. Нет, солдат-то тут много, техники вот почти не видно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.